

"«Горящая» путевка (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

София Чайка

«Горящая» путевка

— Красота!

— Умиротворяющая красота.

— Точно. А ты не хотела ехать.

Камилла тряхнула своими темными, практически черными волосами. Это привычное для девушки движение подхватил легкий ветерок, еще больше разметав по смуглым плечам шикарные локоны. Все ее длинное, красивое тело отличалось ровным загаром, даже в обычно недоступных для солнца местах. Лиза видела ее нагой и знала об этом. Она немного, совсем чуть-чуть, завидовала необыкновенной красоте этой девушки, всегда уверенной и всегда великодушной к недостаткам других людей.

Они с Ками дружили с первого класса и умудрились за время учебы ни разу не поссориться, что само по себе уже казалось удивительным. Но позавчера это почти произошло, когда подруга позвонила Лизе и с громогласным энтузиазмом объявила, что уговорила своего шефа дать ей отпуск. Не теряя времени, Ками отправилась в турбюро, из которого она собственно и звонила, где ей предложили две «горящие» путевки в Турцию по почти неприличной, низкой цене. И это в один из самых дорогих районов — Белек.

К немалому удивлению Ками, Лиза отнеслась к ее предложению довольно критично. Она нашла с десяток поводов, не позволяющих ей отправиться в это, по словам Ками, «сказочное путешествие». Упрямая брюнетка отмела их все. Она категорично заявила подруге, что «первая глава книги никак не клеится», «мама не умеет пользоваться новой кофеваркой» и «лето только начинается» не являются уважительными причинами. Но когда к уговорам подключилась мама Лизы, беззастенчиво подслушивающая телефонный разговор из соседней комнаты, и напомнила дочери, что кофе она не пьет, а ее девочке давно пора отдохнуть, Лизе ничего не оставалось, как сдаться в угоду большинству.

И вот она уже греется на ярком солнышке, в отличие от подруги, прикрывая свои светлые прямые волосы, а заодно и кожу лица, широкополой шляпой и черепашьими очками. Ко всему прочему ей пришлось нанести на кожу тела толстый слой крема, чтобы не получить ожоги в первый же день отдыха. Не особенно надеясь на крем, Лиза поверх купальника нарядилась в прозрачное пляжное платье, сообщив в ответ на скептический взгляд подруги, что она приехала просто подышать морским воздухом.

В общем, рядом с Ками она выглядела, как кукла-мотанка. Да и чувствовала Лиза себя почти так же. Мужчины разных возрастов и комплекций пожирали Камиллу откровенными взглядами. А та лишь встряхивала волосами, от чего ее огромные золотые серьги-кольца вызывающе поблескивали на ярком солнце, и загадочно улыбалась.

Она привыкла к мужскому вниманию и чувствовала себя при этом комфортно. Конечно, не последнюю роль в этом играла ее профессия. Ками работала фотомodelью и пользовалась огромной популярностью у мастеров фотографии, моды и издательств. Но, отличаясь трезвым подходом к жизни, девушка понимала, что жизнь ее, как модели, недолговечна, и поэтому уже вложила часть заработанных денег в один из модных журналов, став его совладелицей. Несмотря на огромное количество мужчин, которые постоянно вились вокруг нее, Ками пока не собиралась связывать себя брачными обязательствами.

Жизнь подруги казалась Лизе насыщенной и яркой, совсем не похожей на ее собственную. Мечтательница и домоседка, она существовала в выдуманном мире, сочиняя сказки для взрослых и наблюдая за случайными прохожими и соседями из окна своей квартиры, дачи, автомобиля или издательства, куда она привозила собственные творения.

Даже обыкновенные перелеты на самолете, которые многие люди совершают так же часто, как она поездки на автомобиле, превращались для Лизы в важные события. А уж отдых в отеле с пятью звездами на берегу Средиземного моря был для нее сказкой и проблемой одновременно. Она, как губка, впитывала окружающий ее мир, поведение и разговоры отдыхающих и обслуживающего персонала, собираясь в будущем использовать все это в творчестве.

Несмотря на обилие впечатлений, а может именно из-за этого, она постоянно чувствовала себя не в своей тарелке. Лиза казалась себе слишком толстой и низкорослой, чересчур бледной и непривлекательной, ужасно скованной и косноязычной. Иногда она подумывала о том, что лишь на бумаге или экране компьютера способна быть достаточно выразительной.

Но сегодня, сидя в шезлонге рядом со своей привлекательной подругой, Лиза старалась в полной мере насладиться чудесным пейзажем. Море казалось по-настоящему лазурным, легкий бриз приятно охлаждал разгоряченную утренним, но уже немилосердным солнцем кожу, ступни утопали в мелком песке, и даже немногочисленные отдыхающие, выбравшиеся на пляж в такую рань, не мешали Лизе получать заслуженное несколькими годами беспроблемной работы на писательской ниве удовольствие.

Камилла прошла быстрым взглядом по небольшой группе мужчин, убивающих время с помощью пляжного волейбола, и вздохнула. Она сама бы с удовольствием поиграла вместе с ними, почувствовала, как грузнут ноги во влажном утреннем песке, как сокращаются мышцы рук во время удара по мячу, как парит и словно замирает в воздухе ее натренированное тело во время прыжка.

Девушка не привыкла сидеть на месте. Вся ее насыщенная событиями жизнь проходила в движении. Занятия в тренажерном зале, поход по магазинам, бесконечные фотосессии, секс — все это приносило Камилле удовольствие. Что ее утомляло, так это обязательное при ее работе посещение салона красоты. Девушка старалась сократить до минимума пребывание в его стенах, чем доводила косметологов, массажистов и стилистов до нервных срывов. Но, несмотря на это, она всегда выглядела обворожительно и осознавала это. Уверенность в собственных силах была неотъемлемой частью ее успеха в условиях жесткой конкуренции.

Теперь же, сидя на берегу моря, Ками ломала голову, чем себя занять. Она просто не сможет выдержать целых десять дней безделья.

— Лягушенок, ты не помнишь, где я оставила рекламную брошюрку, которую нам вручил администратор отеля?

Лиза перевернула страничку женского журнала и, не поворачивая голову, ответила:

— На своей кровати. Собираешься что-то почитать? Могу предложить свой последний сборник сказок. Редактор вручила мне ее перед самым отъездом.

— Сказки?! Нет, спасибо. — Ками любила и уважала свою подругу детства, но ее писательский труд настоящей профессией не считала. Так, баловство одно. Но и обижать Лизу откровенным пренебрежением к ее творчеству не хотела. — Только не дуйся, ладно? Ты же знаешь, я читать никогда особенно не любила. Вот фотографии рассматривать, картинки там разные — совсем

другое дело.

Лиза, наконец, отвлеклась от журнала, сняла очки и, заметно щурясь от яркого света, устремила на подругу серьезный взгляд.

— Дуться вообще и на тебя в частности — пустая трата времени. Если бы я обращала внимание на твоё мнение по поводу моих книг, то ни одна бы из них так и не вышла. Возможен и другой вариант — наша дружба могла закончиться вместе с моей первой сказкой, если бы я послушалась тебя и убила в ней главную героиню, потому что та, видите ли, раздражала тебя тем, что постоянно падала в обмороки. Скажи на милость, кто станет читать сказку с плохим концом? — Камилла уже хотела возразить, но Лиза подняла руку в предостерегающем жесте. — Можешь не стараться. Для этого дела у меня есть редактор. А что касается картинок, то я видела маленький магазинчик с периодическими изданиями на нескольких языках.

— А я узнала у администратора, где находится тренажерный зал, и...

— Ну, это не для меня.

Лиза водрузила на нос свои огромные очки и снова углубилась в чтение.

— Нет, дорогая. Так дело не пойдет. Тебе давно пора подкачать некоторые... хмм... округлости.

— Нет.

— В этот раз, Лизок, тебе не отвертеться. Не можешь же ты отпустить меня одну, такую незащищенную и ранимую, в незнакомое место, где, скорее всего, водятся много больших и агрессивных мужчин. Куда подевались твоя пресловутая осторожность и стремление помочь ближним?

Лиза в ответ лишь перевернула очередную страничку, явно игнорируя попытки Камиллы воззвать к ее лучшим качествам.

— Ладно. Можешь не качаться. Только посидишь на диванчике, полюбишься на коллекцию самцов, таких, как в волейбол слева от нас играют.

Лиза даже не посмотрела в их сторону.

Волейбольный мяч попал точно во впадинку между вытянутых бедер Камиллы, но она не торопилась ни оборачиваться в ту сторону, откуда он прилетел, ни брать этот предмет в руки, хотя мокрые песчинки облепили его со всех сторон и уже поблескивали на ее холеной коже. Она делала вид, что ничего не произошло до тех пор, пока на белоснежный шезлонг и ее тело не упала крупная тень.

Лишь тогда Ками медленно подняла глаза, по дороге оценивая крепкие ноги с широкими ступнями, яркие пляжные шорты, низко сползшие на бедра, накачанные мышцы живота, широкую грудь, густо покрытую золотистыми волосками, почти скрывающими плоские пуговицы сосков, квадратный подбородок, бандану с торчащими из-под нее жесткими прядями пшеничных волос и, наконец, широкую белоснежную улыбку.

Все это выглядело просто замечательно — грубо и сексуально. Жаль только, что глаза мужчины скрывались за темными стеклами очков. Для полного удовлетворения Ками не хватало увидеть восхищение в ее адрес во взгляде этого красавчика.

Она величественно молчала в ожидании привычных комплиментов и уже гадала, какой у этого великолепного образца мужской породы голос, но тот лишь протянул руку и, не спрашивая разрешения, ловко вытащил мяч из уютного гнездышка. При этом его теплая рука легко коснулась ее разгоряченного тела. Потревоженные «мурашки» мгновенно разбежались в разные стороны от этого места.

Ками не ожидала подобного обращения со своей персоной. Она даже растерялась на какое-то мгновение, что не бывало с ней уже очень давно. Как правило, мужчины если и не узнавали ее с первого взгляда — что в первую очередь касалось ее соотечественников — то неизменно приглашали на свидание, а уж потом интересовались ее именем и номером телефона.

А этот молчун лишь улыбнулся еще шире, повернулся к ней спиной и побежал к ожидавшей его возвращения компании.

Когда к Камилле вернулся дар речи, и она заставила себя отвернуться от нахала и возмущенно воскликнула:

— Нет, ты видела?

— Что именно? — Лиза посмотрела в сторону волейболистов. — Ты говоришь о том золотистом викинге в бандане?

— Золотис... я говорю о той обезьяне, которая даже не извинилась за то, что нарушила мой отдых. Как он посмел?!

— Ками, возможно он просто не говорит по-русски.

— Но есть, в конце концов, английский, немецкий, французский. Какой-то из них он должен знать. Всем известно слово «извините» на этих языках. — Но неожиданно ее осенило. Как же она не подумала об этом раньше!? Только по этой причине мужчина с таким великолепным телом и улыбкой мог уйти от нее без слов. — Лиза, я знаю, в чем тут заковыка.

— Ну и...

— Он немой.

По природе не слишком разговорчивый, Георгий Громов совсем потерял дар речи, когда увидел на пляже Камиллу Снигиреву.

Это было почти невероятное совпадение, что они очутились в одно и то же время на этом пляже. Гоша впервые за несколько лет поддался на уговоры друга отдохнуть в его отеле несколько дней в перерыве между двумя регатами. Он собирался смотаться на недельку домой, чтобы побездельничать и полакомится мамиными пирогами, но Раф умел быть настойчивым.

Соотечественники приветливо приняли Громова в свою компанию. Этим утром Гоша лишь успел бросить полотенце на первый попавшийся шезлонг, как его пригласили поиграть в волейбол. Он молча пожал плечами и точным ударом послал мяч на импровизированное поле противника. А затем Громов увидел ее — свое тайное юношеское увлечение.

Снигирева сидела на белом шезлонге, как царица Египта. Прекрасные вьющиеся темные кудри девушка забросила на одно плечо, а вишневый купальник почти не скрывал ее смуглое, гибкое тело. Она непринужденно жестикулировала, разговаривая со своей спутницей, и по-прежнему

вынуждала его желать невозможного.

Уже одно то, что в школьные годы Камилла полностью игнорировала его, впрочем, как и многих других парней из их класса, заставляло когда-то застенчивого Гошу нервничать в ее присутствии.

Привычка воноваться никуда не делась, но он сам очень изменился с тех пор. Это касалось не только его тела — ранее худого и долговязого, а теперь сильного и закаленного. Служба во флоте сделала из него настоящего морского волка.

Женщины не обходили его своим вниманием. Иногда ему приходилось практически отбиваться от них. Особенно часто это случалось во время соревнований, когда моряки наслаждались попутным ветром, а женщины — голыми мужскими торсами. А его был не самым плохим.

Хотя Громов уже давно понял, что нравится слабому полу, неожиданная встреча со Снигиревой вновь мысленно вернула его в школьные годы, когда он был слишком неуверенным в себе, чтобы пригласить девушку на свидание.

Это ужасно раздражало Гошу, но его взгляд то и дело возвращался к соблазнительной брюнетке. Когда же волейбольный мяч в результате неудачной подачи — хотя, кто-то мог специально направить его туда — оказался в развилке между стройных бедер Камиллы, Громов, не раздумывая, бросился за ним, опередив всех, кто намеревался познакомиться с красавицей.

Он бежал к ней почти трусцой, то и дело сдерживая себя и твердя в уме: «Громов не дрейфь! Это лишь еще одна женщина».

Вблизи Камилла бказалась еще красивее, чем издали, и выглядела гораздо моложе, чем на многочисленных фотографиях из журналов, которые хранились на чердаке в доме его мамы.

Не то чтобы он специально искал их, но когда ему в руки попадала очередная страничка с фотографией этой девушки, она тут же перекочевывала в маленький кованный сундучок. Там хранились самые ценные из его сокровищ — фотография рано погибшего на автогонках отца, дедушкин бинокль, старый компас, который он случайно нашел во время детских игр в вишневом саду вокруг их старенького особнячка, и папка с фотографиями Камиллы.

Гоша уже собирался сказать ей как можно непринужденнее «Привет!», когда Снигирева подняла на него свои кошачьи глаза. Заготовленная улыбка застыла на его губах вместе с заготовленными словами.

И хотя чисто мужским чутьем Громов почувствовал, что понравился ей, он так же понял и еще кое-что — девушка его не узнала. Гоша готов был биться об заклад, что как только он заговорит, Камилла вспомнит его, и чары развеются, а в ее взгляде уже не будет плескаться явный интерес к нему.

Поэтому он сдержался и не снял темные очки. А еще молча выудил волейбольный мяч из того места, которое теперь будет снится ему по ночам. Он позволил себе лишь легко коснуться рукой ее разгоряченной кожи, но уже мечтал о том, чтобы проникнуть пальцами глубже. На мгновение представив себе, как это могло бы происходить, Гоша почувствовал напряжение, несмотря на широкие шорты, и едва не застонал.

Теперь он и подавно не мог контролировать собственный голос, поэтому просто развернулся и ушел, ощущая спиной удивленный взгляд Камиллы.

Да, он явно произвел на нее впечатление. Вот только какое?

Рафаэль замер у окна своего сениор съют, размещенного на седьмом этаже отеля, и в подзорную трубу наблюдал за очаровательным созданием.

Традиционно осматривая ухоженный песчаный пляж, он вдруг заметил необыкновенную девушку на одном из шезлонгов почти у кромки воды. На фоне голых загорелых тел, ее почти невесомый, закутанный в легкие одежды силуэт уже сам по себе привлекал внимание.

Раф задержал на ней опытный взгляд, любясь нежным профилем в момент ее разговора с подругой. В какое-то короткое мгновение девушка улыбнулась, и на ее щеке появилась маленькая ямочка.

Рафаэль задохнулся от резкого прилива желания. Все его мужское естество встрепенулось и возвало к завоеванию. Но мужчина сдержал первобытный порыв и продолжил наблюдение за незнакомкой. Изящные движения рук, придерживающих шляпку, маленькая ножка, то покачивающаяся в воздухе, то медленно зарывающаяся в песок, милый овал лица, фигура...

Рафаэль мысленно приказывал ей встать. Он хотел видеть ее фигуру. Пока только это.

— Ты искал меня, капитан?

— Здравствуй, Георгий. — Рафаэль протянул руку Громову и улыбнулся давнему другу. — И я уже не твой командир. Ты теперь сам капитан. Не скучаешь за «Чаровницей»?

Так звали прекрасный парусник, на котором Громов прошел тысячи морских миль и завоевал множество кубков. Рафаэль искренно гордился своим бывшим подчиненным. А Гоша гордился «Чаровницей».

— Веришь, не успеваю сойти с трапа, а уже начинаю скучать, — улыбнулся Громов, пожимая ему руку. — Какие у нас планы?

Именно такой конкретный подход к любому делу нравился Рафаэлю в друге больше всего.

— Планы? У нас очаровательные планы. — Он подошел к окну и сосредоточил внимание на девушке, привлечшей его внимание. — Взгляни-ка сюда.

Гоша посмотрел в подзорную трубу и слегка напрягся, что не ускользнуло от внимания Рафаэля. Но мужчина молчал, и поэтому он начал спрашивать первым.

— Ты знаешь ее?

— Да.

Ответ прозвучал слишком лаконично даже для Громова.

— И это все, что ты можешь о ней сказать?

— А что говорить? Все и так видно. Красивая, грациозная, довольно высокая...

— А мне показалось... Хотя, я не видел ее стоя.

— ...остроумная, смелая, уверенная в себе...

— Уверенная? А на вид такая ранимая.

— ... брюнетка.

— Что?! А ну-ка, дай мне взглянуть еще раз. — Рафаэль занял место друга. — У нее, конечно, на голове шляпа, но я совершенно уверен, что она блондинка.

— Какая еще шляпа? Камилла не выносит шляпы. — Гоша почесал пятерней затылок и подозрительно посмотрел на него. — Погоди, тебе не кажется, что мы говорим о разных женщинах?

Рафаэль догадался об этом за мгновение до Громова, когда обратил внимание на стройную загорелую темноволосую красавицу, притягивающую к себе лучи солнца и взгляды мужчин со всего пляжа. Она сидела очень близко к объекту его пристального внимания, но он не заметил ее.

Девушка, бесспорно, красива, но к такой красоте Рафаэль привык, приелся ею. Вокруг него всегда околачивалось слишком много смуглых красавиц, и он уже давно перестал воспринимать их внешность, как что-то эксклюзивное. А легкое, почти невесомое в своих летящих одеждах существо рядом с Камиллой — теперь и он узнал известную фотомодель — казалось неземным и привлекательным, неумолимо притягивающим.

— Совершенно разных. Значит, блондинку ты не знаешь?

— Пусти-ка. Раф, давно пора поставить здесь вторую трубу. В этих хоробах телескоп может поместиться, не то что две подзорные трубы.

Громов в очередной раз занял место Рафаэля. В другой ситуации тот уже давно бы пошутил по поводу их толкотни возле подзорной отрубы — словно мальчишки возле замочной скважины двери женской раздевалки. А если учесть, что они давно выросли из подросткового возраста, эти рокировки выглядели особенно комично, но в этот раз у Рафаэля был особенный интерес.

— Ну что?

— Нет, кажется, я ее не знаю. Хотя...

Рафаэль почувствовал, что его горячая южная кровь вот-вот возьмет над ним верх, и он сорвется на Громова, но заставил себя сдержаться.

— Продолжай.

— Когда мы учились в школе... — от воспоминаний загорелое лицо Гоши озарилось мальчишеской улыбкой. — Представляешь, я и Камилла — одноклассники!

Кажется, его терпение уже на грани. Он уже понял, что его друг весьма неравнодушен к очаровательной фотомодели, но сейчас Рафаэля интересовала совсем другая женщина.

— Тебе повезло. Давай вернемся к блондинке.

— Так вот, у Камиллы была подруга. Звали ее Лиза Чайкина. Ничего такого в ней не замечалось, поэтому я не слишком хорошо помню ее лицо. Да и много времени прошло. В памяти остался лишь тот факт, что она постоянно что-то писала в ярких блокнотах, да еще

учителя почти на каждом уроке делали ей замечания, что она считает ворон за окном. Все.

— Не густо. — Рафаэль почувствовал разочарование. Ему хотелось узнать об этой девушке как можно больше. — Но это может быть не Лиза.

— Может. — Гоша продолжил наблюдение. — Тем более что эта и в самом деле симпатичная. Жаль, что на ней платье.

Рафаэль испытал приступ ревности — жгучей и неожиданной, но Громов этого не заметил. Он на мгновение задержал дыхание, а затем продолжил:

— О, сейчас будет еще интереснее. Кажется, девушки собрались поплавать.

— В сторону. Быстро.

Громов привычно выполнил команду, а Рафаэль застыл поглощенный завораживающим зрелищем. Его женщина раздевалась.

Его? Странная мысль. Рафаэль улыбнулся ей, но не отогнал.

Широкополая шляпа плавно легла на шезлонг, и ветер завладел длинными светлыми волосами. Он позавидовал ветру.

Она одновременно слишком медленно и слишком быстро сняла свое легкое, белое, почти прозрачное платье, и его взору предстало невероятно женственное, с широкими бедрами и узкой талией бледное тело — именно такое, о каком он мечтал, только не знал об этом.

Голубой купальник не скрывал ее грациозную спину и ямочки в нижней части спины, а округлые ягодички — не рыхлые, но и не накачанные — просто просились в руки. Рафаэль представил свои пальцы на этой части ее тела и еле сдержал стон.

Девушка подняла вверх руки, чтобы свернуть в узел шелковистые пряди, и повернулась к нему боком. Ее высокая, полная грудь возбуждала Рафаэля не меньше ягодички, и он отвернулся, чтобы не выдать Громову бушевавших в нем эмоций.

— Лиза это или нет — не важно. Она здесь с Камиллой. Я должен с ней познакомиться.

— Нет проблем. Хотя есть. — Гоша кашлянул и смутился. — Ками меня не узнала.

— И ты ей не напомнил, скромник.

— Что-то вроде этого.

— Значит, сделаем так. Я сам познакомлюсь с блондинкой. А ты в это время будешь отвлекать Камиллу. Как? Это уже твои проблемы. Придумай что-нибудь. Тем более что она тебе нравится. Я прав?

— Как всегда, капитан. Я подумаю.

— Вот и славно. И еще — не называй меня в присутствии девушек капитаном, и не признавайся, что это мой отель.

— Тактика, капитан?

— Стратегия, Громов. Не забывай, я просто Рафаэль. Или Раф.

— Я этого так не оставлю!

Камилла раздраженно уставилась в меню, но просматривала его не слишком долго, если вообще читала. Она захлопнула папку громким хлопком и Лиза поморщилась. Ее подруга явно настроена продолжить гневную тираду.

— наших людей тут как шпрот в банке, а этот никудышный официант выучил только две фразы на понятном языке — «Что желаете?» и «Извините!» Кто его только нанял? Попался бы он мне под руку, я бы ему объяснила, что к чему. У нас с таким претендентом на работу даже разговаривать бы не стали. Настоящие полиглоты своей очереди дожидаются. И зачем я только сюда приехала?

— Вот именно.

Лиза решительно перевернула перечень блюд японской кухни и сосредоточила свое внимание на французской.

— Не поняла! Объясни, сделай одолжение.

Камилла достала из сумочки зеркальце и принялась внимательно изучать свой макияж.

— Удивительно то, что ты купила путевки именно в Турцию. Ведь обычно ты отдыхаешь в Черногории или на южном берегу Франции. Конечно, при этом твои поездки редко делятся дольше двух — трех дней, но все же. Почему на этот раз Турция?

Лиза перешла на блюда из греческой кухни, а Ками — к оценке своего правого глаза. Инспекция макияжа ее, видимо, удовлетворила, потому что Камилла не стала ничего в нем поправлять, но, будучи по натуре вспыльчивой, она все никак не могла успокоиться и закрыла двойное зеркальце звонким щелчком. Лиза еле сдержала стон.

Что-то этим вечером она излишне чувствительна, наверное, перегрелась на солнце. Ей бы полежать, отдохнуть, поспать, в конце концов. Но беспокойный характер Камиллы не дал ей такой возможности.

Подруга, изнывая от безделья, безапелляционно заявила, что желает ужинать в ресторане на открытом воздухе, и, собственноручно выбрав Лизе платье, почти силой притащила ее сюда.

Пришлось согласиться, что обстановка ресторана оказалась сказочной. Лиза даже пожалела, что не захватила с собой блокнот и ручку. Ничего, она потом все подробно запишет.

Столики стояли на разных уровнях довольно далеко друг от друга, и к каждой площадке вело несколько мраморных ступенек. Ночное небо усеяли множество звезд, больших и маленьких, и оно казалось бездонным. Вокруг все утопало в цветах, наполняющих воздух густым ароматом. Площадка со столиком в центре по периметру освещалась маленькими фонариками, создавая уютную обстановку. Казалось, что вокруг нет никого, только южное небо и море — где-то совсем рядом, судя по шуму прибоя и морскому ветру, нежно ласкающему лицо и тело.

Лиза лениво думала о том, что зря не послушала Камиллу и не оставила волосы распущенными. Так приятно, когда ветер ласково ворошит пряди, словно рука любовника в ее сказках. Она же собрала свои волосы на макушке двумя серебряными гребнями из шкатулки

подруги, но до Камиллы ей было далеко. Та выглядела восхитительно в своем узком, коротком, невероятно откровенном платье. Другая женщина в таком наряде смотрелась бы вульгарно, но Ками шла любая вещь из ее гардероба.

Головная боль Лизы слегка притупилась, и все шло замечательно до того момента, пока к их столику не подошел официант — довольно симпатичный молодой человек, что, конечно же, не укрылось от внимательного взгляда Ками, и не спросил «Что желаете?». Камилла беззастенчиво изучила его с ног до головы, а затем, благосклонно улыбаясь, задала роковой вопрос: «А что вы нам посоветуете?»

И тут начались проблемы. Официант покрылся густым румянцем, что было заметно даже при слабом освещении, и начал что-то лепетать по-турецки, периодически вставляя в непонятные объяснения «Извините».

Камилла принялась так эмоционально возмущаться подобным обслуживанием, что уже через минуту у их столика появился пожилой лысеющий мужчина и с поклоном и очередными извинениями сообщил, что сейчас же пришлет другого официанта.

Камилла никак не желала смириться с таким неудачным началом долгожданного ужина, поэтому Лиза, у которой снова разболелась голова, попробовала изменить направление мыслей подруги, задав интересующий ее вопрос.

— Почему Турция? Хорошо, я скажу.

Ками достала из сумочки сигарету и закурила.

— Ты же бросила. Или нет?

— Бросила. Я не буду затягиваться. Он меня достал, этот инфантильный официантишка.

— А мне показалось, что вначале он тебе понравился.

— Понравился! — фыркнула Ками. — Просто других мужчин рядом нет. Представляешь, мы целый день на отдыхе, а на горизонте ни одного подходящего самца.

— А викинг?

— Немой?

— А может он не немой?

— Значит, близорукий. Как можно не заметить такую красоту?

— С этим я согласна. Так почему же такая красота отдыхает не в Ницце?

— Какая же ты злопамятная. Ладно, слушай. Понимаешь, путевки были нужны срочно, ведь я была ограничена во времени. Мне предложили еще неплохой тур на Барбадос. Но цена... Боюсь, ты даже разговаривать бы об этом не стала, а я не хотела ехать одна. Тебе тоже давно пора развеяться. Тетя Нина жаловалась, что ее девочка совсем не отдыхает, замуровала себя в своем воображаемом замке и ждет принца.

— Значит, ты с моей мамой вступила в преступный сговор с целью...

— Ты решила начать сочинять детективы?

— Не уводи следствие в сторону. Так был сговор или нет?

Не то, чтобы Лиза серьезно злилась на то, что мама и лучшая подруга договорились за ее спиной. К тому же она слишком устала за этот длинный день. Зато Камилла отвлеклась от неприятного инцидента.

— Лизок, ну был. Каюсь. Так мы же с тетей Ниной сделали это из лучших побуждений. Да и что тебе не нравится? Ты, в отличие от меня, и здесь можешь работать. Тем более что вокруг бродит столько принцев.

— Все оказалось гораздо лучше, чем я ожидала, — нехотя согласилась Лиза. — Но что касается принцев... Ты сама только что призналась, что не заметила ни одного подходящего самца.

— Так то самца. Принц и самец — это не одно и то же. — Лиза в этот миг смотрела на Ками и только поэтому заметила, как у подруги вдруг вытянулось лицо, и заблестели глаза. Та даже сделала вздох поглубже, чтобы ее ложбинка в глубоком вырезе платья стала еще заметнее. — Но всегда бывают исключения. Одно из них сейчас направляется к нам.

Лиза обрадовалась, что подруга наконец переключилась с одной темы на другую. Но поскольку мужчины, современные мужчины, ее не слишком интересовали — она считала, что отважные рыцари, спасающие женщин из высоких башен и от рук пиратов, перевелись столетие назад, Лиза медленно закрыла меню, положила его на столик и лишь тогда подняла глаза на того, кто вызвал у Ками такое восхищение.

Высокий, худощавый, темноволосый. Хм. Пожалуй, стоит начать сначала.

Темные брюки красиво облегают узкие бедра, черный атласный кушак подчеркивает талию, на широких плечах натянута белоснежная рубашка, из ее ворота поднимается длинная, крепкая шея, волосы тщательно собраны в хвост на затылке, но несколько непослушных завитков все же выбились из-под контроля возле ушей. Узкое лицо, высокий открытый лоб, слегка миндалевидный разрез глаз и форма скул выдавали южную кровь. Темные глаза сверкнули, а затем спрятались за густыми ресницами. Но этого было достаточно — в животе у Лизы запорхали бабочки.

Он не ошибся. Вблизи эта женщина выглядела еще привлекательнее. Нежные черты лица, бархатистая светлая кожа, полные губы, словно молящие о поцелуе. И эта восхитительная высокая грудь! Он сжал руки в кулаки, чтобы они ненароком сами не потянулись к соблазнительным полушариям.

Нужно срочно отвлечься. Волосы! Жаль, что она не оставила их распущенными. Боже, как он хотел коснуться их руками, пропустить сквозь пальцы, намотать на кулак в порыве страсти.

Она в отличие от своей подруги не сразу отреагировала на его появление. Ее неторопливые, женственные движения застывали его. Он уже представлял себе, что могут эти маленькие пальчики сделать с его телом.

Рафаэль почти забыл, зачем он пришел, даже брюки стали ему тесны от одного созерцания такой красоты. Он мысленно поблагодарил Камиллу, когда она нетерпеливо воскликнула:

— Наконец-то!

— Прощу извинить меня за задержку... Миссис?

— Мисс.

— Мисс, Рафаэль, к вашим услугам.

Он слегка поклонился обеим девушкам, стараясь как можно лучше соответствовать избранной роли. Конечно, ему хотелось бы прикоснуться губами к руке светловолосой нимфы с большими серыми глазами, но статус официанта не позволял ему такой роскоши.

Возможно, он ошибся, когда избрал подобный способ для знакомства? У его идеального плана оказались небольшие изъяны. К сожалению, сейчас у него не было времени на размышления, но Рафаэль позволил себе задержать взгляд на прелестной девушке.

— Вы замечательно разговариваете на русском, Рафаэль. Такое впечатление, что вы изучаете его очень давно.

— Благодарю вас, очень давно. Так давно, что даже забыл, когда начал говорить на нем.

Рафаэль, конечно же, не стал упоминать, что именно на этом языке он произнес свои первые в жизни слова. Он вообще не собирался посвящать девушек в свои тайны, поэтому вежливо и весьма сдержанно, предупреждая дальнейшие расспросы, спросил:

— Что будете заказывать, мисс?

Камилла улыбнулась, и Рафаэль понял, почему она так нравится его другу. Но его притягивала другая женщина, и он умудрялся бросать на нее заинтересованные и восхищенные взгляды, одновременно записывая заказанный перечень блюд.

— ... и десерт на ваш вкус. Я уверена, что у вас замечательный вкус. — Камила кокетливо наклонила голову набок, бросая ему призывные взгляды, и он старательно скрыл невольную усмешку, снова поклонившись. Известная фотомодель даже не подозревала, сколько таких взглядов он поймал за свою жизнь. Девочки, девушки, женщины — они восхищались им еще тогда, когда он был маленьким мальчиком. Когда же Рафаэль вырос, такие призывы стали неотъемлемой частью его жизни. Он настолько свыкся с ними, что почти не обращал внимания, особенно теперь, когда стал богатым и завидным женихом.

Перед тем, как уйти, он бросил еще один взгляд на Лизу. Теперь он знал, что это была именно она. Камила несколько раз обратилась к ней за советом. Он хотел услышать голос своей избранницы, но она не произнесла ни единого слова, молча наблюдая за происходящим, словно зритель, следящий за событиями на сцене. Но ему понравился ее взгляд — прямой, изучающий, без тени кокетства. Интересно, какой десерт ей мог бы понравиться?

— Какой мужчина! Ты видела? — Ками нетерпеливо ерзала на стуле в ожидании еды, вернее официанта.

— Конечно, я же не слепая.

— Как ты можешь быть такой равнодушной в присутствии подобного красавчика? Лизок, неужели он не произвел на тебя ни малейшего впечатления?

Равнодушной? Нет, она не осталась равнодушной. Он ей очень понравился. Но это вовсе не

означало, что она должна была афишировать это.

Да, красивый. Ну, хорошо, очень красивый. Ладно, нет смысла лгать, тем более себе — невероятно привлекательный мужчина, очень похожий на принца из ее сказок. Никогда прежде Лиза не встречала подобных мужчин. И, возможно, никогда больше не встретит. Ну и что из того? Она не знает о нем ровно ничего, кроме того, что он работает официантом в заграничном отеле и хорошо говорит по-русски.

Оставалось непонятным только то, почему она так много о нем думает?

— Произвел.

— И это все? — Камилла вскочила, обошла вокруг своего стула, снова села и наклонилась к подруге. — Он смотрел на тебя, как... как...

— Как?

— Как кошка на сметану, как волк на ягненка, как тигр на...

— Достаточно, я поняла. Я не собираюсь быть ни едой, ни жертвой. К тому же, я ничего такого не заметила. Да и разговаривал он с тобой, а не со мной.

— Еще бы, ведь ты все время молчала. Я пыталась втянуть тебя в разговор. Да если бы он так смотрел на меня, я бы немедленно пригласила его на свидание.

— Сама?

— А что тут такого? Я же не замуж за него собралась. — Ками замолчала на несколько минут, но когда Лиза уже подумала, что та забыла об официанте, подруга продолжила развивать ту же тему. — А что, это заманчивая мысль. Этот мужчина должен быть невероятным любовником — страстным, горячим...

— Продолжать, пожалуй, не стоит.

Лиза покраснела от смущения, поскольку представила себе любовную сцену с южным красавцем, но только в ее фантазиях его партнершей была вовсе не Ками, и от ревности. Нет, ревность тут не при чем. Она не может ревновать официанта к подруге. Просто не может и все. Она ведь не влюблена. Но все же...

— А как же «викинг»?

— А где он, этот немой и слепой «викинг»? С пляжа он исчез, в тренажерном зале его не было, около бассейна он не появлялся. Как ты думаешь, куда мог пойти такой мужчина? Нет, не говори. Я не хочу даже предполагать.

Лиза пыталась сосредоточиться на приятной музыке, пока Камилла делилась своими сомнениями и размышлениями и отвечала на собственные вопросы. А затем она поймала себя на том, что периодически бросает неосознанные взгляды в сторону ступеней, ведущих на площадку, где стоял их столик. Тогда Елизавета принялась доказывать себе, что ждет официанта только с познавательной целью, чтобы позже использовать этот образ в писательском труде. Когда же тот появился, Лиза перестала обманываться — ей было интересно, права ли Ками, и симпатичный официант действительно заинтересовался именно ею, Лизой, а не ее прекрасной подругой.

Рафаэль же молча подал блюда и, пожелав им приятного аппетита, повернулся, чтобы уйти, но на последней ступеньке обернулся и поймал Лизу за подглядыванием. Он улыбнулся и поклонился, а Лиза, покраснев, быстро отвела взгляд.

Ужин тянулся ужасно долго. Во всяком случае, для Лизы. Она слушала болтовню Ками, музыку, шум прибора и ждала прихода официанта. Он периодически появлялся и исчезал, бросая на нее интригующие взгляды, и до десерта Лиза уже считала минуты. Гипноз какой-то.

Она ошеломленно смотрела на взбитые сливки, украшенные шоколадной стружкой и фисташками, которые он поставил перед ней и теперь молча ожидал реакции.

— Откуда... — ей пришлось откашляться, чтобы избавиться от хрипоты в голосе. — Как вы узнали, что это мой любимый десерт? Я думала, что здесь...

— Здесь возможно все.

Темные глаза притягивали и завораживали. Лиза смотрела в них и тонула, тонула...

— Так не бывает.

— Все. Мы могли бы встретиться с вами, просто погулять под звездами? Моя смена заканчивается.

Она и принц, а над ними — бесконечное небо и миллионы звезд!

— Конечно... — Она сошла с ума! — ... нет.

Он услышала, как фыркнула Камилла, но принц-официант отреагировал на ее отказ лишь тем, что слегка сдвинул брови на переносице.

— Понимаю, я лишь официант...

— О! Поверьте, не в этом дело. Возможно завтра, если вы, конечно, не передумаете.

— День завтрашний — увы! — сокрыт от наших глаз! Спешите использовать летящий в бездну час.

— Омар Хайям.

— Рубаи о любви.

— Да, я узнала. Но все же.

— Тогда до завтра.

Хотя он ничем не выразил своих чувств, Лиза странным образом ощутила, что разочаровала его своим отказом. Он легко сбежал по ступенькам и исчез, а она еще долго вглядывалась в полутьму.

— Официант, цитирующий Хайяма?! Лиза, он угадал твой любимый десерт! Ты уверена, что поступила правильно?

— Да. Нет.

— Тебе виднее.

— Кажется, капитан, где-то ты промахнулся.

Рафаэль хмуро посмотрел на друга и проворчал:

— Это была временная неудача, точнее тактическое отступление.

— Ну да, конечно. Я так сразу и подумал.

Широкая улыбка Гоши выдавала его настоящие мысли. Парень вольготно развалился на белом кожаном диване и похлопывал широкой ладонью по своей голой коленке.

— Ты лучше скажи, где сам бродил весь вечер? Я о чем тебя просил?

— Отвлекать.

— А ты чем занимался?

— В засаде сидел. Ждал подходящего момента, чтобы вовремя появиться на сцене.

— Ну и...

— Не дождался. Moments. Не было его.

— Лучше признайся, что ты струсил.

Рафаэль достал из холодильника две бутылки с водой и одну протянул Гоше.

— А пива нет?

— С утра?

— Не струсил, а просто состорожничал. Да и что бы я Камилле сказал? «Это я, бывший прыщавый подросток Громов! Не узнала?» — Гоша откупорил бутылку и залпом осушил ее. — Ты бы видел, как она на меня смотрела, когда я мяч между ее ног вынимал. Да я себя Бредом Питом... да что там, Дольфом Лундгреном почувствовал.

— Ты что, ее боишься?

— Конечно, нет! — Гоша потер рукой затылок и крикнул. — Ну, немного. Просто разочаровывать не хочу.

— Так ты не разочаровывай.

— Но как?

— Делай то, что она от тебя ждет.

— А что она от меня... — Громов на мгновение застыл с открытым ртом. — Думаешь, это сработает?

— С Камиллой сработает. — Рафаэль подошел к подзорной трубе и стал осматривать пляж. — А вот с ее подружкой, пожалуй, нет.

Громов погрузился в размышления и, скорее всего, не слышал его последнюю фразу. Так даже лучше. Рафаэль не привык чувствовать себя... неуверенным.

Он почти не спал этой ночью. Размышления и воспоминания мешали. В своих мыслях он уже успел переделать вместе со светловолосой красавицей тысячи соблазнительных и эротичных вещей, опробовал множество возможных и невероятных поз, а в жизни даже не смог уговорить ее просто встретиться и погулять — романтично и прилично. Ну, хорошо, у него на уме были не слишком приличные вещи, но за романтику он мог ручаться. Но Лиза не согласилась.

Понаблюдав за ней более внимательно, он еще вчера понял, что выбрал не слишком удачный способ познакомиться с девушкой. Она чем-то неуловимо отличалась от всех его предыдущих женщин. Возможно, дело было в ее взгляде — соблазнительном и невинным одновременно?

Сейчас Рафаэль и сам не понимал, зачем представился девушке официантом. Он, конечно же, хотел, чтобы его избранница полюбила его не за деньги, яхты, отели и прочую роскошную шелуху. Но с другой стороны, он ведь не собирался жениться на Лизе. Брачные обеты вообще не входили в его планы. Во всяком случае, вчера Рафаэль планировал ни к чему не обязывающую увлекательную и приятную связь с красивой девушкой. Зачем же он тогда скрыл от нее свой настоящий статус?

Кажется, он запутался в собственноручно сплетенной паутине. Приглянувшаяся ему девушка оказывала на него довольно странное влияние. Он испытывал к ней притяжение, восхищение и еще что-то непонятное. Может, лучше бросить все это, пока не поздно, отступить?

Нет, отступление не свойственно натуре Рафаэля. Стремление всегда добиваться своей цели досталось ему от отца — настоящего отца. Грек Клио Раллис любил повторять своему единственному сыну, что мужчина не имеет права пасовать перед трудностями.

— Лиза, собирайся. Мы идем в тренажерный зал. Мне нужно куда-то девать свою энергию. И поискать кое-кого. — Камилла голышом рылась в шкафу среди горы привезенных вещей.

— Хорошо, ты иди на «охоту», а я в это время почитаю на пляже, пока солнце не слишком припекает.

— Как на пляж?! — Камилла потрясенно наблюдала, как ее подруга наряжается в купальник. Она не привыкла, чтобы ей перечили.

— Ками, подумай логически. Если ты собираешься искать своего «викинга», зачем тебе свидетель?

— Я не говорила про «викинга»! — Упрямылась девушка. Она злилась на себя за эту слабость, но ничего не могла с этим поделать. — Да и нет в нем ничего особенного. Мужик, как мужик.

— Вот именно.

— Не умничай, Лизавета. Говори прямо. — Камилла вернулась к поиску подходящей одежды, чтобы скрыть смущение. Что-то она зациклилась на этом парне. Не похоже это на нее. Ничего, поговорит с ним, возможно, даже переспит, разочек, и все пройдет. Так было всегда.

— Ками, только без обид. Тебе нужен мужчина, причем конкретный. Так иди и найди его. — Лиза нарядилась в прозрачный халат с запахом и широкополую шляпу. — Удачи тебе, подружка.

Девушка захватила с собой полотенце и книгу и ушла, а Камилла, наконец, вытащила со дна чемодана подходящий наряд.

Все мужчины в тренажерном зале откровенно пялились на ее грудь, обтянутую красным топом. Камилла не сомневалась, что и ее ягодички тоже не остались без внимания. Она крутила педали велосипеда, и короткие белоснежные шорты не скрывали подтянутые мышцы красивых бедер. Девушка всегда гордилась своим телом и заботилась о нем. Ей были приятны жадные мужские взгляды, но сегодня она не могла в полной мере насладиться ими. Ее «викинг» исчез, испарился. Но сначала проигнорировал ее, а этого Ками не могла и не хотела ему простить. Он должен быть наказан.

В ее мыслях уже проплывали жаркие картинки наказания, и поэтому она не сразу поняла, что мужчина, вразвалочку вошедший в зал и теперь методично поднимающий штангу, не плод ее воображения, а настоящий «викинг» из плоти и крови — восхитительной, накачанной, возбуждающей плоти. Ками вдруг стало тяжело дышать, но она прищурилась и начала бесстыдно рассматривать каждый ее сантиметр.

«Викинг» же спокойно закончил упражнения, и только тогда посмотрел в ее сторону. Сегодня он был без очков и банданы. Короткие жесткие волосы торчали ежиком на большой голове. Вроде обычный парень, каких много в этом зале, да и в ее прежней жизни тоже. Но тут он улыбнулся, и у Ками запылало огнем между бедер.

Она приготовилась, что сейчас он подойдет к ней. Ками уже планировала сделать вид, что он вовсе ее не интересует, но мужчина повернулся к ней спиной и вышел. Вышел!

Камилла сорвалась с места и бросилась за ним, на ходу ругая себя и его. Только когда перед ней захлопнулась одна из дверей в коридоре, она обратила внимание, что на ней написано «Душевая».

Но и это ее не остановило. Ками ворвалась в незапертую дверь.

Сделала она это осознанно или нет, Камилла не знала, но дверь была надежно заперта ее руками, пока она рассматривала голое мужское тело. Ками даже прикрыла рот рукой, чтобы случайно не застонать от восхищения и возбуждения. Нет, она не могла позволить себе роскошь любоваться всем этим богатством. А вдруг он опомнится и снова убежит?

Камилла шла к нему, на ходу избавляясь от одежды, а «викинг» молча наблюдал за ее приближением. Струи воды стекали по его прекрасному телу, и Ками хотелось руками повторить их путь. Она подошла к мужчине настолько близко, что его могучая и уже готовая к бою плоть уже упирался в низ ее живота. Он хотел ее. Ура!

Мгновение она смотрела в его прищуренные глаза, а затем провела ладонью по гладкой, шелковистой, напряженной коже. Мужчина закрыл глаза и сжал челюсти.

— Даже если ты немой, я все равно хочу тебя.

Неужели она это сказала!? Ками всегда отличалась смелостью, не скрываясь за ложной стыдливостью, но подобные слова до сих пор не говорила ни одному мужчине. Он не мог ей отказать.

Он не мог ей отказать, даже если бы хотел. Гоша в это мгновение желал ее так сильно, что,

наверное, не отпустил бы даже в том случае, если бы Ками умоляла его об этом. Но она заявила о своем желании, а это означало, что он получил карт-бланш.

Громов со стоном впился в ее губы. Она отвечала ему страстно и нетерпеливо, закинув ногу на его бедро. А так как Камилла была высокой девочкой, его плоть уже подрагивала в предвкушении у самого входа.

«Терпение, Гоша, терпение», — уговаривал он себя, атакуя бастионы соблазнительного женского рта, но очень скоро он понял, что его выдержки надолго не хватит. Эта женщина оказалась слишком горячей, чтобы дать ему малейшую передышку. Не факт, что пар, заполнивший душевую, был вызван горячей водой, поливающей их тела сверху.

Камилла почти рыдала и двигалась, все сильнее обвивая его тело, и неугомонная плоть уже проложил себе путь к источнику наслаждения. Манящее тепло окутало и сжало его, заставляя напрячься еще сильнее.

— Большой мальчик!

Ее восхищенный шепот только подлил масла в огонь их стремительной страсти. Она накрыла их с головой, и лишь многолетняя привычка помогла Громову вовремя покинуть оазис неземного удовольствия.

Наконец-то, она появилась. Рафаэль уже начал терять терпение, когда Лиза подошла к кромке воды, намочила в ней изящные ступни, замерла на мгновение, вглядываясь вдаль, и неспешно устроилась в шезлонге.

Несколько минут он не мог оторвать от нее восхищенного взгляда. Эта женщина от природы была невероятно женственна и, видимо, не отдавала себе в этом отчет. Хотя, она могла оказаться искусной, скорее искусственной актрисой, всем своим видом, манерами, взглядом заставляя мужчину бороться за ее привязанность. Несмотря на то, что он склонялся к первому предположению, Рафаэлю все же хотелось, чтобы девушка желала его внимания.

Все округлости и изгибы ее фигуры, мягкие, почти кошачьи движения, невесомая упаковка в виде белого платья, почти ничего не скрывающего, но создающего вокруг нее ауру невинности и сексуальности, возбуждали в нем агрессивное мужское начало. И когда это начало уже грозило разорвать ему штаны, Рафаэль усилием воли оторвался от заманчивой фигурки. Его тянуло к Лизе со странной силой, и он решил тотчас спуститься к пляжу.

В тот же миг смуглые руки обвили его грудь, и он почувствовал влажный поцелуй на своей шее. Пряный аромат защекотал мужские ноздри.

— Я не слышал твоих шагов, Мелина.

Легкий женский смех мелодично прозвучал в его левом ухе, а затем женщина одарила его следующим поцелуем, уже более жестким. Опасаясь, что после этого последует традиционный укус, который может оставить след на его незащищенной рубашкой шее, Рафаэль обернулся к женщине и коснулся губами ее щеки в знак приветствия. Затем он слегка отстранился от нее, завладев ловкими руками, уже начавшими снимать с него одежду. В ответ на его действия Мелина обиженно надула красивые губы.

— Я соскучилась, Раллис.

Она никогда не называла его по имени. И он не возражал, хотя до сих пор не привык к новой фамилии, ведь с прежней он прожил большую часть своей жизни. Но когда Клио Раллис предложил ему сменить ее, чтобы он мог завещать своему единственному сыну большую часть состояния, именно отчим, бывший военный морской офицер, первым поддержал эту идею.

Рафаэлю нравилась Мелина. Некоторое время после его переезда в Грецию он регулярно встречался с ней. Их секс был наполнен страстью и весельем, но очень скоро стал приедаться. А так как совместных интересов, кроме постели, у них не было, постепенно их встречи становились все более редкими. Как раз в это время она познакомила Рафаэля с его будущим деловым партнером по бизнесу — своим братом Клио. Именно этому предприимчивому молодому человеку пришла в голову идея купить шикарный отель в Анталии. С тех пор они владели им совместно.

Мелина встречалась со многими молодыми людьми, а так же с пожилыми предпринимателями, которых прочил ей в мужа отец. Но когда случайно — или намеренно — жизнь сводила их в одном месте, даже в доме ее отца, куда Рафаэля приглашали довольно часто, они рано или поздно оказывались в одной постели.

Сегодня же у Рафаэля были другие планы. Да и грубоватые, хотя и красивые черты лица Мелины, как ни странно, впервые оставили его равнодушным. Но он не привык обижать женщин и поэтому попытался перевести разговор на другую тему.

— Клио тоже здесь?

— Зачем тебе Клио? Главное, я здесь, дорогой. — Ей таки удалось освободить свою правую руку, и она тут же провела ею по бугру на его брюках. — Расслабься. Здесь никого, кроме нас, нет.

Еще мгновение и молния поползла вниз, а опытная женская рука уже держала в руках заветную цель. Рафаэль на миг закрыл глаза, пытаясь овладеть собой. Он и так завелся, пока наблюдал за Лизой в подзорную трубу. А Мелина очень хорошо знала, что нужно делать, чтобы довести мужчину до невменяемого состояния. Ее имя очень подходило ей. Медовые уста Мелины умели творить чудеса с мужским достоинством.

Рафаэль, конечно же, не мог явиться на пляж в таком виде. Возможно, стоило поддаться искушению и отложить встречу с Лизой? Ведь официально они еще не встречаются, если вообще будут. А это значит, что он ей не изменяет. И вообще, с каких пор его стал волновать этот вопрос в предвкушении временных отношений? Еще ни одной женщине не удавалось привязать его к себе надолго.

Пока он раздумывал над этим, одновременно борясь со смешанным чувством желания и вины, Мелина опустила перед ним на колени и овладела тем, чем хотела. Эта женщина никогда не упускала свой шанс...

Прошел еще час, прежде чем он смог спуститься к морю. Ему пришлось приложить невероятные усилия для того, чтобы избежать сексуальных игр в постели настойчивой Мелины, но даже после эпизода в его апартаментах Рафаэль вынужденно потратил время на душ. Хотя женщина доставила ему удовольствие, ему хотелось смыть с себя ее запах, а еще странное чувство предательства по отношению к Лизе.

Его великолепное, мужественное тело медленно появлялось из морских волн. Капли воды стекали по длинным, темным, слегка вьющимся волосам, торопливо перескакивая на

покрытые смуглой кожей, накачанные мышцы торса, а затем уже неспешно ласкали подтянутый живот, устремляясь в пах.

Еще несколько мгновений, невероятно длинных и возбуждающих, и она сможет увидеть то, что ее интриговало и заставляло покрыться стыдливым румянцем. Но она не могла отвести взгляд от заманчивого зрелища. А он, казалось, не испытывал ни малейшего дискомфорта под ее пристальным взглядом, рассекая волны сильными бедрами и мускулистыми руками...

Да, кажется ее воображение разыгралось не на шутку. Жаль, что она вместо книги не захватила с собой блокнот и карандаш. Могла бы описать этот образ в своей сказке о заморском принце. Ничего, еще несколько минут, максимум пол часа, и она вернется в свой номер. Вот тогда и запишет все в мельчайших подробностях.

Лиза закрыла глаза и улыбнулась. В ее сказках все мужчины были такими — красивыми и мужественными. А еще благородными и великодушными. И, конечно же, очень сексуальными. Не случайно *принцы* из ее книг пользовались особенной популярностью у женской части читательской аудитории. А как же иначе, каждая девочка, девушка, женщина мечтала о собственном *принце*. И она — не исключение. Вот только где его найти?

Она вздохнула и открыла глаза.

Но видение не исчезло. Напротив, оно стало еще более ярким и колоритным. К ней направлялся настоящий мужчина из плоти и крови, и он смотрел на нее.

Лиза прищурила глаза и узнала его. Рафаэль — официант из местного ресторана. Но сейчас он совсем не походил на официанта. Черты его лица казались тонкими, почти изящными, она бы даже сказала, благородными, лишь твердая линия рта и подбородка выдавала его упрямый нрав. Вчера вечером она не заметила этого, хотя мужчина и показался ей весьма неординарным человеком. Но под яркими лучами южного солнца Елизавета сумела разглядеть много нового в его необычном облике.

Пока она пялилась на красивого мужчину, прошло некоторое время и спастись бегством стало поздно. Он уже заметил ее пристальный взгляд, и Лиза решила, что игнорировать его теперь неудобно. Да и не хочется.

«Не тушуйся, Елизавета, — подбадривала себя девушка, — это не первый и не последний мужчина на твоём горизонте».

Последняя мысль перед тем, как он подошел к ней, была настолько непристойной, что Лизе стало стыдно за себя.

«Какая жалость, что он купался в штанах».

— Здравствуйте, милая госпожа.

Мужчина присел на песок у ее ног лицом к морю. Вблизи он казался еще красивее.

«Спокойствие, Елизавета. Красивый мужчина — явление преходящее».

— Добрый день. — Она на мгновение задумалась, стоит ли обращаться к нему по имени. Ведь мужчина может решить, что она только о нем и думала все это время, раз запомнила, как зовут официанта. Но природное чувство справедливости и неискоренный нрав победили, и Лиза

договорила. — Рафаэль.

— Вы думали обо мне.

Он не спрашивал, лишь констатировал факт и только после этого повернул к ней голову.

Ну вот. Так ей и надо. Все случилось именно так, как она предполагала. Если она сейчас заметит хоть намек на насмешку в выражении его лица или последующих словах, то просто встанет и уйдет. Давно следовало это сделать. Но Лиза не сумела себя заставить, потому что он ей нравится.

Неужели она это подумала?

А почему бы и нет? Он — привлекательный мужчина, а она — всего лишь слабая, впечатлительная женщина. Но если он только посмеет улыбнуться этой самоуверенной улыбкой самодовольного самца...

Он не улыбнулся, а лишь долго смотрел на нее своими синими — синими?! — глазами, и на ее губах невольно появилась смущенная улыбка. Никто раньше ее так пристально не рассматривал. Во всяком случае, она этого не замечала.

Нужно было что-то сказать. Вот только что? Ками точно знала, что принято говорить в таких случаях. А ей придется — правду.

— Думала. Мне кажется, что это была не слишком удачная мысль, согласиться на свидание с вами.

Она боялась, что он обидится, но в выражении его лица не произошло никаких изменений. А что если...

— Возможно, вы вчера пошутили. Или сегодня передумали. Или я неправильно поняла. Или...

— Не нужно гадать. Мое приглашение остается в силе.

— Не знаю, стоит ли.

— Вас смущает, что я лишь официант?

— Господи, нет! — Неужели она похожа на сноба? Или как там будет звучать это слово в женском роде? — Не в этом дело.

— Тогда в чем?

Он продолжал гипнотизировать ее взглядом, и кожу Лизы уже начало покалывать, словно тысячи маленьких иголочек легко касались ее обнаженного тела. И в тех местах, которые прикрывали платье и купальник, тоже. Так что единственно солнцу это действие на нее не припишешь. А жаль. Так было бы значительно проще.

Лиза молчала. Она просто не знала, что сказать, как объяснить, почему она не может просто встречаться с этим привлекательным мужчиной, слушать его завораживающий голос, плавиться под взглядом его неимоверно синих глаз и чувствовать себя красивой и привлекательной. Никто бы не понял причин ее отказа.

— Я не нравлюсь вам?

— Нет. То есть, да, — она забыла все правила, которые вызубрила, учась на филологическом факультете, и поэтому смущенно пробормотала, — Нравитесь. Но я не встречаюсь с незнакомыми мужчинами.

О том, что она вообще ни с кем не встречается, Лиза умолчала. Это — ее личное дело.

Рафаэль отвернулся и некоторое время молча смотрел на море. Наверное, он передумал ее уговаривать.

«А что ты хотела? Этот парень после твоих откровений решил, что овчинка выделки не стоит».

Лиза захлопнула книгу и уже собралась попрощаться, когда он легко коснулся ее ступни, словно останавливая. Лиза почти не дышала, боясь пошевелиться и разорвать тоненькую нить взаимного желанья, на краткий миг соединившего их.

Она зря беспокоилась. Рафаэль убрал свою руку, почти незаметно погладив пальцем ее щиколотку — возможно, это ей даже показалось — но желание не исчезло. Оно мерцало между их телами, сгущая и без того жаркий воздух.

— Предлагаю провести эксперимент.

— Что?

Неужели она что-то пропустила, пока наслаждалась необычным прикосновением?

— Вы же пишете книги?

— Откуда вы узнали?

Ее имя, конечно, было известно — в определенных кругах. Преимущественно женских. Но здесь, в Анталии...

— Пусть это останется моим секретом. Так вот, я расскажу вам красивую восточную историю о любви между мужчиной и женщиной...

— Принцем?

— Согласен. — Наконец-то он улыбнулся, и Лиза невольно залюбовалась его одухотворенным лицом. — Вы сможете написать об этом новую книгу.

— А за это...

— А за это, вы будете сопровождать меня на прогулках.

— Только лишь? — Лиза готова была прикусить язык после невольно вырвавшегося вопроса и смущенно посмотрела в лицо Рафаэлю.

Он же слегка прикрыл глаза, скрывая мысли.

— Все будет зависеть только от вас, моя прекрасная госпожа.

Она должна была отказаться, немедленно отвергнуть это заманчивое предложение. Но не смогла.

— Если так, то я согласна.

— Я найду вас вечером.

Мужчина легко поднялся и ушел, не сказав больше ни слова. А Лиза еще некоторое время смотрела на барашки волн, но не видела их.

Пол часа. Точнее двадцать пять минут понадобилось этому мужчине, чтобы добиться от нее новой встречи. И возможно не одной. За короткий период он сделал то, что не удавалось до него ни одному мужчине. Почти ни одному.

Камилла в десятый раз пересекала бирюзовую гладь бассейна, наслаждаясь освежающей прохладой воды и приятной усталостью в каждой мышце своего тела.

Он оказался неутомимым мужчиной, ее «викинг». Ками улыбнулась воспоминаниям о спонтанном и бурном сексе в душевой. Этот мужчина не только выполнил каждую ее прихоть, он предугадал большинство из них.

Быстро, медленнее, сильнее, мягче, глубже, едва касаясь. Он чувствовал ее так хорошо, словно их любовный опыт составлял много лет, а не несколько минут. А уж что касается размеров — всех без исключения, они подходили друг другу идеально.

У Камиллы давно не было такого великолепного секса. Собственно, на ее памяти это — первый раз, когда ее устроило все. Он не только не обманул ее ожиданий, но даже превзошел их многократно.

Казалось, она должна быть абсолютно удовлетворена, ведь в своей жизни Камилла удаляла не так уж много внимания близости с мужчинами, как можно предположить. Работа отнимала почти все ее время, и она старалась не ограничивать себя длительными связями. Когда мужчины начинали требовать от нее слишком многого, она просто прощалась с ними, как правило, навсегда.

Сейчас на отдыхе она могла позволить себе несколько дней веселья в объятиях красивого незнакомого мужчины. Это был воистину дар небес, что он молчал и не задавал ей никаких вопросов. Он умел и доставил ей восхитительное удовольствие, и Камилла уже мечтала о повторной встрече наедине.

Стоило ей вспомнить, как во время второго захода, после ее неистовых криков на грани завершения «Еще!», мужчина прижал ее согнутыми в коленях ногами к стенке кабинки, а сам заполнил собой до упора, сжимая в больших ладонях ноющую грудь, как между ног Камиллы стало горячо. И прохладная вода бассейна не могла облегчить этот жар.

Впервые Ками пожалела, что не знает имени «викинга». Нужно было назначить ему следующую встречу, не отходя от душевой кабинки, вместо того, чтобы удирать оттуда, даже не поцеловав красавчика на прощанье.

Конечно, ее слегка потрясло то, что между ними произошло. Не каждый день Ками вваливается в душ к незнакомым мужчинам и требует от них секса. А этот парень не только не выставил ее оттуда, что она могла бы понять, но и подарил ей незабываемые ощущения.

Ничего, она его обязательно найдет, и они снова сделают это. Ками не сомневалась, что ему тоже понравилось происходящее, иначе он не ревел бы как медведь во время оргазма и не

гладил ее по голове слегка дрожащими от напряжения руками.

Нет, на этом моменте, пожалуй, не стоит заикливаться. Уж очень он напоминает любовную сцену. А Ками не хотела любви — только секса. И она получит его, чего бы это ей ни стоило.

Интересно, сколько еще времени ее «викинг» пробудет на этом курорте? Она слегка побеспокоилась по этому поводу, но тут же одернула себя — это означает лишь одно, что она не должна терять времени.

— Громов, ты мне нужен сегодня вечером.

Рафаэль стоял в спальне друга и ждал, пока тот сменит махровое полотенце на яркие пляжные шорты, которые Гоша предпочитал носить во время отдыха.

— А без меня никак? Мне бы немного отдохнуть.

Рафаэль взгляделся в лицо друга и отметил, что тот, на самом деле, выглядит усталым.

— Что, слегка перегрузился на тренажерах?

Гоша хохотнул, завязывая шнурок на поясе.

— Можно и так сказать.

— Что-то ты не договариваешь, дружище. Женщина? — Рафаэль заметил, как покраснел Громов, и в его голове мелькнула догадка. — Камилла?

— Не хочу рассказывать. Так что там у меня за задание на вечер?

— Камилла. Но теперь я даже не знаю, просить тебя об этом или озадачить кого-то другого. Ведь ты, кажется, устал.

— Не нужно никого искать. Я уж сам как-нибудь управлюсь.

Рафаэль отметил горячность, с какой Гоша высказался по поводу его просьбы, но сдержал улыбку. Между этими двумя уже что-то случилось, и он был рад за друга. К тому же такое положение вещей упрощало и его задачу — некому будет следить за тем, чем занимается Лиза.

Рафаэль уже многократно мысленно раздел ее и занялся с ней любовью. Но ему изрядно надоело лишь представлять все это. Мысленные сцены не приносили Рафу облегчения, а лишь разжигали его немалый аппетит. Он хотел проделать все это наяву столько же раз. А возможно и больше.

Лиза возбуждала его и озадачивала невероятно. Он ощущал ее желание, как свое собственное, но одновременно чувствовал в ней какую-то неуверенность.

Неужели фортуна решила подшутить над ним и подсунула девственницу? Нет, в таком возрасте и при такой чувственности она не могла остаться невинной.

А все эти ее сказочки о любви? Он читал их в Интернете. Любовные сцены в них были описаны довольно подробно. Девственнице нужно обладать чрезвычайно большим воображением, чтобы написать такое.

Возможно, она не привыкла заводить временные знакомства и поэтому слегка растерялась под его напором? Но это было в его глазах скорее плюсом, чем минусом. Многоопытные, изощренные в сексе любовницы успели наскучить ему. Теперь он и сам мог кое-чему научить свою избранницу. Что он, собственно, и собирался сделать. Стоило Рафу только подумать о всех тех штучках, которые планировал испробовать на Лизе, как его мужское достоинство свело судорогой желания.

Эта женщина заморозила его. И чем быстрее он сделает ее своей любовницей, тем легче ему станет справляться с потребностью видеть ее ежесекундно.

Он чуть не забыл о Мелине. Она была весьма непредсказуема и хитра. Придется поговорить с ее братом, чтобы он держал ее подальше от него, хотя бы некоторое время. А лучше вообще заставил улететь домой.

Ничто и никто не должны ему помешать. Он уже чувствовал себя охотником, почуявшим запах своей жертвы. Дурманящий запах.

Только мужчина мог сказать «Я найду вас вечером» и не указать точное время и место, куда они направятся. Ей остается лишь метаться по номеру от шкафа к зеркалу и обратно, чтобы одеть что-то подходящее. Хорошо бы еще знать, чему ее наряд должен соответствовать. Не может же она идти на свидание в купальнике? Или он именно на это и рассчитывает?

Скромно. Именно так Лиза собиралась выглядеть вначале. Но миленькое, воздушное платье в мелкие цветочки с рукавчиками фонариком так и осталось висеть на вешалке.

Вызывающе. К сожалению, такого наряда в ее гардеробе не было. И девушка впервые пожалела об этом. Возможно, если бы она явилась в таком виде на свидание, у Рафаэля не возникло бы желание пригласить ее во второй раз. Ведь до этого она выглядела довольно... хм... пастельно. Хотя существовала возможность, что вызывающий наряд мог толкнуть красавца на далекие от повествования сказки поступки.

Хотя, следовало признать — больше всего Лизу смущало не это обстоятельство. Она сомневалась в том, что не желает провоцировать Рафаэля на эти самые поступки. Но к счастью — или сожалению — ничего вызывающего она с собой не привезла, а просить у подруги не решилась.

Три более-менее подходящие платья лежали перед ней на кровати — синее, дымчато-серое и бирюзовое. Все довольно изысканные, как для курорта, с вышивкой и, как и все остальные, почти до щиколоток.

Лиза вздохнула, пообещала себе, что обязательно купит что-то покороче и поярче, когда вернется домой, и нарядилась в бирюзовое платье на тоненьких бретельках. Затем собрала волосы на макушке в узел и закрепила их серебристым гребнем.

Немного подходящих по цвету теней, чтобы зрительно увеличить глаза, пара мазков румян на скулы, почти прозрачный перламутровый блеск на губах. Кажется, она готова. О, чуть не забыла! Лиза вложила в уши серебряные цепочки-серьги и покрутилась перед зеркалом.

И что ей теперь делать? Ждать Рафаэля или идти на ужин? Ох уж эти мужчины! Мог бы сказать что-то более конкретное.

Да, кажется, она не слишком хорошо разбирается в мужской психологии. Ей срочно нужно с

кем-то посоветоваться.

Камилла. Нет, именно по этому вопросу с подругой ей советоваться не хотелось. Тем более, что та вела себя весьма странно. Пришла в номер позже Лизы, заявила, то слишком устала и сразу же отправилась спать. При ее-то темпераменте!

В это мгновение, словно почувствовав, что о ней размышляют, из спальни появилась Ками в длинной и очень открытой майке, заспанная и мрачная, скользнула по Лизе задумчивым взглядом и молча прошла в туалетную комнату.

И никаких комментариев?

Лиза обулась в сандалии со стразами и подошла к окну, раздумывая над необычным поведением подруги.

Через несколько минут Камилла снова вошла в комнату и без слов направилась к холодильнику.

— Ками, как тебе мое платье? Неплохо лежит?

— Неплохо.

Кажется, что-то случилось. И дело даже не в скупом ответе Камиллы, а в том, что она не развалилась по привычке на кровати, не заставила Лизу десять раз обернуться вокруг своей оси, не покритиковала ее прическу, не предложила ей что-нибудь из своей одежды и, что самое невероятное, даже не поинтересовалась, куда ее подруга собралась. Ками просто долго смотрела в холодильник, а потом взяла оттуда бутылку холодной колы, захлопнула дверцу и снова направилась к спальне.

Лиза не могла оставить подобное поведение подруги без внимания.

— Я тоже так думаю. Думаю, что к нему подойдут сапоги из крокодиловой кожи и шапка-ушанка. Как считаешь?

— Неплохо.

С каждым ответом подруги Лизу разбирал все больший интерес.

— Ага. А еще красная сумка и бордовое манто в желтые горохи.

— Нет, пожалуй, бордовый цвет к бирюзовому не подойдет.

Все не так уж плохо. Во всяком случае, цвет ее платья Ками заметила.

— Ты ужинать собираешься, подруга?

— Ужинать?

На лице Камиллы отразилось такое недоумение, будто она предложила ей отправиться в Измир на верблюжьих бои — традиционную турецкую забаву. Лиза видела ее рекламу в перечне экскурсий.

— Ками, у тебя все в порядке? Тебя никто не обидел? — Лиза уже начала сожалеть, что не пошла с подругой в тренажерный зал, когда та ее просила. Возможно, там с ней что-то

случилось? Что-то...

В дверь их номера постучали, и Ками обернулась, но открывать не пошла. Даже в своем теперешнем состоянии эта женщина не собиралась появляться перед неизвестным в одной мятой футболке — пусть и такой симпатичной.

«Рафаэль», — подумала Лиза. Она бросила один — контрольный — взгляд в зеркало, второй — на застывшую Ками, а затем медленно направилась к двери. Еще не хватало, чтобы он подумал, будто она только и делала, что ожидала его прихода.

Она даже слегка расстроилась, когда увидела, что это не Рафаэль. Но времени, чтобы поразмышлять над этим, у нее не оказалось. «Викинг» снял свои темные очки, и Лизе вдруг показалось, что она его откуда-то знает. Она даже открыла рот, чтобы спросить мужчину об этом. Но тут за ее спиной раздался грохот — Ками уронила или бросила на пол колу — и восторженный вопль.

Лиза предусмотрительно отошла в сторону, когда ее подруга ухватила «викинга» за обе руки и поволокла в свою комнату. На его загорелом лице на один миг мелькнуло ошарашенное выражение, и именно тогда Лиза вспомнила, откуда она его знает. Но сообщить об этом Ками она не успела. Та захлопнула дверь спальни с таким видом, что Лиза решила подождать со своими открытиями до более подходящего момента.

Сомнения в правильности принятого решения не слишком долго мучили ее, потому что на пороге уже стоял Рафаэль и не скрывал своего восхищения, пристально рассматривая Лизу — каждую деталь ее одежды, каждую черточку ее лица. Это было очень... волнующе.

Да, пожалуй, с Камиллой она поговорит позже.

— Чаровница!

Лиза мило покраснела, а его, ставшая постоянной в присутствии этой девушки, эрекция еще боле увеличилась. Рафаэлю требовались немалые усилия, чтобы держать свои порывы в узде.

Он как никогда понимал, что ему придется проявить все свое мастерство соблазнителя, чтобы склонить писательницу к близости. Тем более что времени для этого у него было очень мало. И с каждой минутой становилось все меньше. Поэтому он решил не тратить его на изысканные комплименты, а вместо них сосредоточиться на томных взглядах и сказке, в ее самой подходящей для соблазнения версии.

— Ужин?

Он ласково, но решительно увлек Лизу подальше от комнаты, где уже выполнял свое задание Громов. Раф не сомневался, что Гоша делал это с удовольствием.

— Пожалуй, я воздержусь. Лучше — обещанная сказка.

Она не сопротивлялась, когда он взял ее за руку, но и не бросала на него завлекающие взгляды в немом призыве «Делайте со мной, что хотите!», как все его предыдущие подруги. Эта девушка просто шла с ним рядом, как с родственником, другом, хорошим знакомым, наконец. И лишь едва заметная дрожь в пальцах нежных рук выдавала ее волнение.

Такой любовницы у него еще не было. Одно это возбуждало в Рафаэле недюжинный аппетит, и

отнюдь не к еде — во всяком случае, в ее обычном понимании.

— Сказка ждет нас на берегу. Вы готовы?

— Конечно. Я уже согласилась и не привыкла менять свои решения.

Замечательно. И он не привык.

Она не спрашивала его разрешения. Эта женщина вообще не тратила время на разговоры. Во всяком случае, с ним. Неужели, она на самом деле решила, что он немой? Но сейчас это обстоятельство, или скорее недоразумение, его вполне устраивало, и Гоша не собирался доказывать обратное.

Закрыв дверь, Камилла немедленно стащила футболки с него и с себя, бросила их на пол, обхватила Гошу руками за талию и прижалась горячей, бархатистой грудью к его вздымающейся от волнения груди. Это было блаженство, и его плоть отреагировала мгновенно, прямо как в юности.

Издав хриплый стон, он запрокинул ее голову назад и поцеловал жадным, требовательным поцелуем. Она выгнула спину и ответила ему тем же, проведя ноготками по его спине снизу вверх, а затем в обратном направлении.

Дикая кошка. Своевольная и неприрученная. Всегда такой была. А он всегда хотел ее, даже тогда, когда еще не понимал, что это такое — желать женщину.

Сегодня в душевой Громов осознал, насколько глубоко мечта о Камилле пустила корни в его сердце. Нежное чувство тлело в нем долгие годы, а она одним взмахом руки, то есть ноги, разожгла из углей пожар. Теперь он сжигал Гошу заживо.

Раньше он довольствовался малым — периодическими, ни к чему не обязывающими встречами с ужином, сексом и... Нет, общих завтраков, кажется, не было ни разу.

Но теперь все изменилось. Громов обязан либо заполучить эту женщину навсегда, или потерять — тоже навсегда. Он просто не сможет остаться безразличным к ее возможным будущим любовникам. А это значит, что ему придется ее избегать.

Нет, он просто обязан приручить Камиллу Снигиреву, хотя это очень трудная задача. Ему хотелось быть с ней нежным, терпеливым, медлительным, исследовать языком и пальцами каждую клеточку ее обалденно красивого тела, которое столько раз снилось ему по ночам.

Но она не хотела от него нежности. Поэтому он решил дать ей то, что она требовала в данную минуту — страсть, всепоглощающую и неистовую.

Он отпустил ее лицо и вдавил пальцы в упругие ягодицы. Она ответила ему приглушенным поцелуем вздохом, и Гоша понял, что движется в нужном направлении. Он оставил левую руку ласкать упругую плоть, а двумя пальцами правой руки сжал напряженный коричневый сосок. Ками тут же потерлась о Гошу животом, и он тоже не удержался от стога.

После этого Камилла ловко стащила с него шорты почти до колен и завладела накаленной плотью. Громов тотчас понял, что не выдержит подобных экспериментов, и поэтому подхватил женщину на руки и, путаясь в оставшейся на нем одежде, бегом бросился к кровати.

Она с нескрываемым удовольствием и видимым нетерпением ждала, пока он высвободит ноги из штанин, а затем потянула его на себя.

Это оказалось непередаваемо чудесно — лежать на желанной женщине, беспрепятственно касаться ее кожи, а не глянцевых листков журналов, ощущать слегка солоноватый вкус кожи ее груди, твердых сосков, живота. Он благоговейно поцеловал темные волосы у развилки ее ног через кусочек красного кружева, а затем поддел большими пальцами тоненькие веревочки, соединяющие два ажурных треугольника, и стащил их с ее бесконечно длинных ног.

Но когда Громов собирался попробовать на вкус ее самое горячее местечко, Ками вскрикнула:

— Потом! Ты сделаешь это позже! Хочу тебя. В себе. Всего.

Поздним вечером море не выглядело лазурным и бескрайним. Оно золотилось в отражении лучей спрятавшегося за горизонт, уставшего за день солнца, и казалось, постепенно превращалось в розовато-оранжевые облака. Но скоро и они уступят место темной, загадочной синеве южного неба, уже завладевшего восточной частью небосвода.

Волны лениво набегали на постепенно остывающий песок почти опустевшего пляжа, а затем запасливо уносили его с собой в неизведанные глубины, такие же таинственные, как выражение на лице Рафаэля.

Он и днем выглядел очень красивым, а вечером становился по-настоящему загадочным. С тех пор как они, взявшись за руки, спустились на пляж по ступенькам, вымощенным ракушечником, он был неизменно галантен и не делал ни малейшей попытки приставать к ней.

Это радовало Лизу и слегка задевало. Неужели в ней на самом деле не было ничего сексуального, как ей когда-то недвусмысленно заявил ее однокурсник Стас Морквин? Тогда почему иностранец пригласил ее на свидание? Такому привлекательному мужчине ничего не стоило заполучить любую.

Возможно, сейчас рядом с ним нет подходящей женщины, и он элементарно скучает и хочет развеяться? Странно, тогда почему он не выбрал для этого Ками? Он явно ей понравился, хотя и не так сильно, как «викинг».

Лиза догадывалась, чем в эти самые мгновения занималась ее подруга с Громовым. И стоило девушке подумать об этом, как ее щеки снова запылали румянцем.

— О чем вы сейчас подумали?

Он очень наблюдателен, этот официант. А она слишком простодушна и не умеет скрывать свои мысли, но зато может их направить в другое русло.

— Вы обещали мне сказку.

— А вы готовы выслушать ее?

— Ведь я же здесь, не так ли?

— Хорошо. Тогда начнем. Только нам лучше присесть — сказка длинная. Поискать для вас шезлонг?

Она отрицательно покачала головой и устроилась прямо на песке, подогнув ноги. А Рафаэль

сел слева от нее, за спиной, а затем прошептал на ухо:

— Посмотрите на море и представьте красивый древний восточный город с уютными тенистыми дворишками, маленькими фонтанчиками и торговыми лавками. На окраине города стоит величественный дворец, где живет султан, его семья и многочисленные слуги.

— И наложницы?

Она не хотела оборачиваться, чтобы увидеть реакцию на свой вопрос, но почувствовала, что Рафаэль улыбнулся.

— И наложницы, многочисленные и красивые, со всех концов света. Но он любит лишь свою жену и сына, которого лично назвал Доганом, что означает сокол. Султан мечтал, чтобы его наследник имел такое же острое зрение, был таким же стремительным и летал высоко, всегда достигая поставленной цели.

— Похвальное желание. Но любить свою жену и иметь многочисленных наложниц — это как-то странно. Не находите?

— Это только традиции, дорогая Лиза.

— Мне не нравятся такие традиции. Так что же случилось с Доганом?

— Он влюбился.

— В наложницу отца?

— Нет. — Его дыхание легко, но волнующе щекотало ее шею и верхнюю часть спины, вызывая легкую дрожь. Но Лизе не хотелось отодвигаться в сторону. Все происходящее — море, вечер, сказка, Рафаэль — было настолько завораживающим, что походило на магию. И Лиза никогда не ощущала ничего подобного. Она решила послушать, посмотреть и подождать, что будет дальше. А мужчина за ее спиной тем временем продолжал убаюкивать бдительность Лизы своим чарующим голосом. — В Арзу, дочь местного купца.

— Арзу. Как это переводится?

— Желание. Это имя означает — желание.

Оказывается, она задремала. За широкими окнами номера царила ночь, а в ее душе — сумятица.

Сегодня с ней случился самый потрясающий секс в жизни. Казалось, она должна быть довольной и расслабленной. Ками и была довольной. Но спокойной...

Она не помнила, чтобы кто-то из прежних партнеров так ее заводил — почти до слез, до потрясенного осознания, что такое с ней может никогда больше не произойти.

Подобное состояние души очень раздражало Камиллу, и пугало тоже. Этот мужчина, казалось, знал все ее тайные желания, чувствовал малейшее изменение в ее настроении, доминировал и уступал именно тогда, когда она хотела и тогда, когда не ожидала, но как оказывалось, мечтала именно об этом.

Если все подытожить, то напрашивался один единственный логический вывод — им больше

нельзя встречаться. Ведь каждая следующая встреча будет заканчиваться одним и тем же и таким же потрясающим и безудержным.

А дальше? Привязанность, обязанности, ревность, то, чего Ками больше всего боялась и всеми силами избегала!

Боже, о чем она рассуждает! Об обязанностях! А ведь она даже не знает имени своего «викинга», а значит, не может сделать элементарного — позвать обратно в постель. Не станет же она обращаться к нему «Эй, как там тебя!» или «Дорогой!». Так она не называла еще ни одного мужчину, хотя *этого* хотелось назвать именно так. Ками даже зубы стиснула, когда это слово чуть не вырвалось из ее рта во время самого «критического» момента.

Она взглянула в проем балконной двери на высокую, великолепно сложенную и совершенно голую фигуру. Он не ушел сразу после секса, как она ожидала, и уже в этой малости совершенно не походил на многих знакомых ей мужчин. А ведь он ничем не был ей обязан.

Камилла потянулась, ощутив ноющую, но приятную боль в мышцах, подумала мгновение и обернула вокруг себя легкое покрывало. Неслышно ступая босыми ступнями по мягкому ковру, она вышла на балкон и обняла «викинга» за талию. Было так замечательно стоять рядом с ним и смотреть на звезды. Все в нем волновало ее — запах, упругая кожа под ладонями, интригующее молчание.

Она захотела услышать его голос.

— Продолжим?

Очень смелый шаг с ее стороны. Два использованных презерватива уже покоились на дне мусорного ведра. Такого длинного марафона она не позволяла себе даже в юности.

Он же тихонько рассмеялся, а затем пробасил слегка охрипшим голосом:

— Если ты согласна сделать это так, как хочется мне, тогда давай.

Настоящий мужской голос, именно такой, как ей нравится. И родная речь! Она не смогла отказаться. По множеству причин. А о своих сомнениях она подумает завтра. И решение тоже примет завтра.

Он обернулся, и его глаза сверкнули. А затем ее покрывало оказалось на полу. Ловкие, сильные руки заменили его, окутав ее возбуждающей лаской и медлительной нежностью. Камилла отдалась этой нежности и этому мужчине со странной, не присущей ей покорностью.

Арзу. Желание.

Именно это не оставляло Лизу в покое. Соблазнитель за ее спиной хорошо знал свое дело. Наверное, он занимался этим регулярно и с удовольствием, потому что тихие звуки в его груди, медленно, но все сильнее прижимающейся к ней сзади, весьма напоминали урчание довольного зверя.

Ей следовало встать и уйти вместо того, чтобы слушать сказки и трепетать в предвкушении. Но Лизе совершенно не хотелось уходить. Наоборот, ей хотелось остаться. Вряд ли дома кто-то станет обращать на нее такое пристальное внимание, шептать ей изысканные комплименты, говорить с ней о любви, целовать...

Стоп. Поцелуев не было. Пока. И ей нужно срочно решить, собирается ли она целоваться с Рафаэлем. А то потом, когда у него возникнет такое желание, она не успеет...

Теплые губы легко коснулись ее шеи. И «мурашки» от неожиданности бросились в рассыпную. Поздно. Теперь она уже не в состоянии думать.

Но зато пока не утратила способность говорить.

— И... И что же... Дальше то что? — У Лизы кружилась голова от этих осторожных, искушающих поцелуев — в затылок, за ухом, вдоль плеча, позвонков. Ее кожа стала очень чувствительной и пылала уже не только от жары. Но она решила так быстро не сдавать свои позиции. — Дочь купца ответила Догану взаимностью?

Ее голос дрогнул в конце этой фразы, потому что Рафаэль, едва касаясь, провел ладонями по ее голым рукам, на несколько томительных мгновений задержался на плечах, поглаживая кончиками пальцев тонкие косточки, а затем...

Затем Лиза струсила — поднялась и повернулась к мужчине лицом. И тут же пожалела об этом. Он был невероятно красив в свете освещающих пляж фонарей — изысканной, сказочной, мужской красотой, а его синие глаза снова стали темными, как глубокий колодец, в который она падала, падала... Неужели такое будет происходить каждый раз?

Лиза закрыла глаза и приоткрыла губы. Другого приглашения Рафаэлю не требовалось. Он завладел ее губами с ласковой настойчивостью, и Лиза вздохнула с успокаивающей мыслью — никто бы на ее месте не устоял перед таким мужчиной.

Он хотел ее тут же и сейчас же, но понимал, что должен сдержаться. По маленьким, едва заметным признакам Рафаэль понял, что она еще не готова спать с ним.

Этим вечером ему придется довольствоваться поцелуями. Но зато какими! Ее сладкие губы трепетали, когда он играл с ними языком, а гибкое, женственное, мягкое тело выгибалось навстречу его неудовлетворенному, твердому телу.

Весь его предыдущий опыт общения с женщинами убеждал Рафа в том, что строгая, маленькая писательница — горячая штучка. Нужно только набраться терпения и сделать все возможное и невозможное, чтобы заполучить ее в свою постель.

Но никакой опыт не мог подготовить Рафаэля к той нежности, которую он испытывал к этой девушке. Это его слегка насторожило, и он усилил нажим, плотнее прижав ее к себе.

Лиза затрепыхалась в его руках, как пойманная птичка, и он отругал себя в уме. Ведь знал же, что с ней нужно быть осторожнее.

Сказка!

— Все именно так и произошло.

— Ч-что именно?

Лиза отступила от него на шаг, стоило Рафаэлю выпустить ее из своих объятий.

— Доган поцеловал свою возлюбленную Арзу, как только увидел девушку впервые в саду ее отца. Ведь он был сыном султана, а значит, мог позволить себе все, что желал.

— И что сделала Арзу?

Из глаз Лизы исчезла настороженность, а вместо нее появился интерес, и Рафаэль воспрянул духом.

— Она ударила его.

— О, Боже! Ее казнили?!

— Нет! — Он взял ее за руку, девушка не стала вырываться. Довольный таким результатом, уже спокойнее Рафаэль продолжил. — Нет. Доган предложил ей стать его женой. Но Арзу гордо сообщила сыну султана, что не желает его видеть.

— Смелая девушка. Доган смирился?

Рафаэль смотрел в широко открытые глаза девушки и думал о том, что в его жизни еще не было подобной женщины. Она стала для него вызовом, и он его принял.

— Об этом — завтра. Вы встретитесь со мной завтра вечером?

— Я подумаю.

Это, конечно, был не тот ответ, который он хотел бы услышать, но приходилось мириться с тем, что есть.

— Я провожу вас.

В его сениор сьют неизменно царила тишина, а в это время суток и темнота. Рафаэль не стал зажигать свет в комнате. Он некоторое время неподвижно смотрел на ночное небо, но не видел его. Перед его глазами стояла Лиза в своем очаровательном бирюзовом платье.

Эта девушка продолжала преследовать его и в постели, куда он улегся после холодного душа. Только теперь на ней не было платья. Эта фантазия выглядела настолько реальной, что его мужское достоинство тут же отреагировало соответственно.

Рафаэль не стал мешать воображению рисовать чувственные мнимые картины. Он так и уснул — возбужденный и неудовлетворенный.

Его сны жили своей жизнью, и в них восхитительная светловолосая женщина уже склонилась над ним, покрывая поцелуями его обнаженное тело.

— Еще! — прохрипел Рафаэль и попытался обнять красавицу, но что-то мешало ему.

— Конечно, мой сладенький. Как же иначе!

Женский голос совсем не походил на Лизин и говорил на другом языке.

Рафаэль тотчас проснулся и попытался встать, но не смог. Его руки и ноги были привязаны к столбикам его собственной кровати!

Он чертыхнулся и вгляделся в темноту. Рафаэль узнал тяжелый, сладковатый, восточный аромат духов.

— Мелина, ты мне за это ответишь! — Он дернулся и чуть не завыл от собственной беспомощности. Женщина хихикнула и продолжила целовать его тело. — Прекрати сейчас же!

— Не хочу, — ее юркий язычок нырнул в его пупок. — Не нужно вырываться, Раллис. И притворяться, что тебе не нравится, тоже. Хочу напомнить, дорогой, что ты лично учил меня вязать морские узлы. Или эта показная ярость — часть игры? — Она почти пела, словно Сирена, одновременно поглаживая ловкими пальчиками его напряженное тело. — О, мне это по-душе! Давай так — я буду пираткой, беспощадной и ооочень сексуальной, а ты — моим пленником. Здорово придумано! Мне нравится.

— А мне нет! — Ужас! Он мог лишь бесперспективно извиваться на широкой кровати, но не более того. — Завтра же куплю себе другую кровать! А еще лучше — буду спать на полу, черт бы все это побрал!

— Какой темперамент! Думаю, что на полу мне тоже понравится.

Соблазнительница совсем не ласково сжимала его бедра и хищно покусывала кожу на его груди.

— Нет, нет, и еще раз нет! Ни на полу, ни кровати, ни на какой другой поверхности, Мелина, мы больше не будем заниматься сексом. Я — не — хо — чу!

— Не понимаю, зачем так кричать? Ладно, в следующий раз я не буду тебя привязывать. Даже подумать не могла, что ты так рассердишься. Не дергайся так, Раллис. Давай еще немножко поиграем. Ура! Я придумала, как тебя «успокоить».

Мелина расхохоталась над собственной шуткой и начала оседать на его возбужденную сном плоть.

— Нет! Прекрати! Я уволю придурка, который дал тебе ключ!

Ему не удалось слишком долго сопротивляться умелым ласкам Мелины. Его возмущенные крики постепенно сменились стонами удовольствия.

Нужно было что-то делать с этой неуправляемой женщиной. Срочно.

Мелина уснула почти сразу после осуществления своей дурацкой фантазии. Как она только решилась на такое?! Наверное, перепила вечером своего ненаглядного вермута.

Рафаэль в очередной раз зло дернул шелковые веревки. Узлы были завязаны довольно умело, но не так туго, как ему показалось вначале сексуального фарса. Он пошевелился, пытаясь отодвинуться от сопевшей во сне Мелины. Та недовольно заворчала, но не проснулась, лишь змеей сползла с его тела, устроившись под левым боком.

Рафаэль перевел дух и потянулся головой к своей правой кисти.

Дергая зубами шелковый узел, он мысленно обругал избалованную Мелину, а заодно и себя. Себя особенно изощренно — за легкомыслие, разгульный образ жизни, неразборчивые связи и многое другое, что раньше казалось не таким уж важным, но из-за чего этой ночью он оказался в таком беспомощном состоянии. Оно Рафаэлю совсем не понравилось. Но хуже всего мучило чувство предательства по отношению к Лизе, терзая его душу.

Он вспомнил ее светлый, нежный, слегка наивный образ и ощутил себя замаранным сегодняшней постельной интерлюдией с Мелиной, будь она не ладна.

Где носит этого шалопая Клио? Мог бы и присмотреть за сестрой, пока она не вляпалась в какую-то неприятную историю. Он обязательно позвонит ему. Вот только освободится от этих веревок и сразу же позвонит.

Наконец, все узлы были развязаны, конечности освобождены, и Рафаэль сразу почувствовал себя увереннее. Но не спокойнее.

Нет, пожалуй, он отложит разговор со своим деловым партнером до утра. Рядом с ним лежал кое-кто, с кем ему хотелось побеседовать в первую очередь. Его руки так и тянулись к ее длинной, смуглой шейке, но Раф сдержался.

От греха подальше он встал с кровати, включил торшер, подошел к холодильнику и глотнул ледяной водки прямо из горла. Только этот напиток уважал его отчим. Что бы сказал отставной офицер, если бы узнал, во что превратил свою жизнь Рафаэль?

Водка обожгла горло, но мысли Рафа прояснились. Вначале он нашел ключ, которым воспользовалась Мелина, и спрятал его, затем надел черный атласный халат и лишь после этого подошел к кровати и затряс красотку за плечи.

Ей хотелось танцевать! И петь! А еще смеяться, от радости! Из ее глаз готовы были пролиться слезы — тоже от радости!

Какая же она глупая. И сентиментальная в придачу. Он только рассказал ей сказку. Точнее часть ее. Ну и поцеловал разочек, только и всего. А она уже растаяла, как мороженое на солнце.

Не думай. Не вспоминай. Не представляй, что могло произойти, если бы ты... О, Боже!

Чтобы хоть как-то отвлечься от соблазнительных мыслей, Лиза на цыпочках подкралась к двери в комнату Камиллы и прислушалась. Тихо. Интересно, она одна или?..

Девушка несколько секунд размышляла о том, стоит ли рассказать Ками о «викинге» или та уже знает, с кем проводит время, но затем решила подождать с признаниями до утра. Что может случиться за такое короткое время?

Она сделала шаг к окну и зацепилась за что-то ногой. Это что-то с грохотом откатилось в сторону.

Кола! Никто так и не поднял ее с пола. Да и кто бы мог этим заняться? Уж точно не Камилла. Ее подруга выглядела очень увлеченной.

Лиза не стала шарить в темноте, улыбнулась и подошла к окну.

Никогда прежде ночное небо не казалось ей таким красивым, таким глубоким, сказочным и таинственным, очень похожим на глаза Рафаэля.

Он, наверное, уже спит, ее принц. Нет, официант. И вовсе не *ее*. А жаль. Он ей понравился. И его поцелуй. Очень. Ее еще никто так не целовал. И вряд ли когда-нибудь будет.

Нет, она не станет думать о грустном. Рафаэль снова пригласил ее на свидание, и она

обязательно пойдет. Послушает сказку. Красивую восточную сказку о любви.

— Не трясина меня так сильно! Моя несчастная голова раскалывается от боли!

Но Рафаэля это не остановило. Он тоже просил ее кое о чем. Но разве она послушала его? Теперь главное не сорваться и довести разговор до конца.

— Я не выйду за тебя, негодяй! Или брошу навсегда! Или уволю к черту! Кто бы ты не был. Уйди, дай мне поспать!

— Поднимайся. Это не твоя кровать.

Рафаэлю уже приходила в голову малодушная мысль — уйти в другой номер и оставить здесь Мелину досматривать сны. Но он понимал, что это не решит его проблему, поэтому продолжил тормошить пьяную подружку.

Девушка, наконец, соизволила открыть один глаз и даже сделала попытку улыбнуться, но этот оскал мало напоминал улыбку соблазнительницы.

— А, это ты? Хорошо повеселились!

— Смотря, кто.

Веко Мелины устало опустилось, а красивое лицо вновь исказила гримаса.

— Свет мешает. Выключи.

— Нет. Будем разговаривать так. Пить надо меньше.

— Обязательно нужно разговаривать? — простионала Мелина. — Раньше мы не слишком много говорили, и это нам не мешало. К тому же, ты мне не отец, чтобы указывать, что делать, а что нет. Без тебя хватает воспитателей.

— Вот тут ты права. Я тебе не отец. И даже не брат. И уж тем более не муж. Поэтому терпеть твои выходки далее не намерен.

Мелина соизволила открыть оба глаза и подтянулась на локтях, чтобы упереться спиной об изголовье кровати. Приподняв кверху совершенные дуги черных бровей, она зевнула и промямлила:

— Ты что сейчас сказал? Я плохо соображаю. Спать, что ли, со мной больше не будешь?

Да, эта девушка всегда изъяснялась прямолинейно.

— Не буду.

— И сколько не будешь? Неделю? Месяц? — Девушка прищурила свои миндалевидные глаза и насмешливо протянула: — У тебя кто-то есть!

— Есть.

— Так бы и сказал, что ты сегодня занят. Мы бы в другой раз поиграли. К чему было так возмущаться?!

— Не будет другого раза, Мелина. Я н... надолго занят.

У него чуть не вырвалось «навсегда», но у Рафаэля не было времени раздумывать над этим.

— Никогда!? То есть, вообще ни разу? — Он впервые видел эту женщину настолько потрясенной. — Я тебе не верю... Кто она?

Маленькая пауза перед последним вопросом подсказала Рафаэлю, что Мелина, наконец, действительно проснулась и, кажется, протрезвела. Но за последнее он не мог поручиться.

Темные взлохмаченные волосы падали на лицо и явно ей мешали. Она отбросила их резким движением. Было такое ощущение, что Мелина сейчас вцепится ногтями в его лицо. Он, конечно, не испугался, но драка с сестрой Клио в его намерения не входила. Он ни разу в жизни не воевал с женщиной. Не собирался Рафаэль сообщать ей и о Лизе.

— Это тебя не касается. Иди-ка ты в свою постель, Мелина. Тебе нужно выспаться.

— Выспаться!? — Мелина вскочила с кровати и голая заметалась по комнате в приступе бешенства. Странно, но вид этой красивой обнаженной женщины его совсем не возбудил. Она же принялась выкрикивать угрозы. — Да пошел ты! Я все папочке расскажу, и он тебя... и твой бизнес...

— Угомонись. Ничего он мне не сделает. А вот тебя замуж точно выдаст. За кого сочтет нужным. И вообще, одевайся и уходи. С меня достаточно игр.

— Ты... ты меня выгоняешь!?

Он промолчал, а Мелина остановилась перед ним, упершись изящными кистями с множеством браслетов в бока. Эта женщина — стройная, грациозная, сексуальная — больше не привлекала его. Видимо, взгляд Рафаэля оказался достаточно красноречивым, потому что она прошипела, выплевывая злые слова:

— Я отомщу. Ты еще будешь умолять меня. И знаешь, что тогда я сделаю? — Мелина приблизила свои дергающиеся губы к его лицу. — Я снова свяжу тебя. И буду делать с тобой все, что придет мне в голову! Ублюдок!

Да, его мать вышла замуж за отчима, будучи беременной от другого мужчины, но Рафаэль никогда не чувствовал себя ублюдкой. Его родители не позволили.

Он, скорее всего, никогда не сможет простить Мелине именно этого оскорбления, а еще той беспомощности, которую испытал этой ночью.

— Убирайся.

Она ушла, но гул от захлопнувшейся двери еще долго эхом раздавался в голове Рафаэля. Как он дошел до такой жизни?

— Мне нужно идти.

Ками хотелось сказать, что он вовсе не должен никуда уходить, но следовало помнить о Лизе, которую она лично выманила из берлоги, или «волшебного замка», в котором та сочиняла свои сказки. Она и так вчера игнорировала подругу почти весь день. И ночь. Хотя последняя оказалась невероятной, Камилла сказала то, что должна была сказать:

— Да, да.

Они оба почти шептали, чтобы не разбудить Лизу, но это был страстный шепот.

Ками повисла у него на шее, а он целовал ее. Еще, и еще раз.

Он не хотел уходить. Она не хотела его отпускать.

А кто бы отпустил после такой сказочной ночи? Но Ками никогда не была назойливой любовницей. Не собиралась становиться такой и сейчас. Она заставила себя разжать руки и даже слегка оттолкнула мужчину.

— Теперь можешь идти.

«Викинг» приласкал ее взглядом, восхищенным и многообещающим, и Ками довольно улынулась потрескавшимися губами. Ничего, у нее есть чудодейственный бальзам на все случаи жизни. Уже вечером ее губы снова будут мягкими и гладкими. А может и раньше, если «викинг» попадетс я ей на глаза.

Он еще раз посмотрел на нее, на этот раз немного по-другому, словно хотел что-то сказать, но лишь тряхнул головой и ушел не оборачиваясь.

Камилла неожиданно долго стояла у открытой двери и смотрела ему в след, надеясь... Что обернется? Вернется?

Зачем? Ведь они снова увидятся уже этим вечером и снова будут любить друг друга, а она, наконец-то, узнает его имя. Почему-то после этой ночи это стало для нее важным.

Можно было спросить и сейчас, но она почему-то не спросила. Не привыкла спрашивать. Ее прежние любовники всегда сами представлялись ей, хвастались своими достижениями и регалиями, но ее это мало интересовало.

Прошедшей ночью что-то изменилось, что-то внутри нее самой. Этот мужчина покори л ее своей силой, сдержанной страстью, пониманием. Он не вел себя эгоистично, в отличие от всех тех, кто уже побывал в ее постели. Ками даже выбралась из нее, чтобы проводить мужчину до двери. Прежние любовники довольствовались лишь ее приказом, хотя и произнесенным мягким голосом: «Захлопни за собой дверь, будь любезен».

Что-то она совсем размякла и рассуждает, как влюбленная дурочка. Влюбленная?! Это уж слишком!

Ками закрыла дверь и отправилась в душ.

Лиза проснулась от яркого солнца, светившего прямо в лицо. Она на несколько секунд прикрыла глаза рукой, а затем, предварительно поморгав, чтобы восстановить зрение, недовольно уставилась на подругу. Та решительно поднимала римские шторы, что-то напевая себе под нос.

— У тебя совесть есть?

— Нет, ты же знаешь. Пора вставать.

— В такую рань? Я в отпуске. — «И Рафаэля увижу только вечером».

Ками расхохоталась в ответ, а Лиза повернулась к окну спиной и даже натянула покрывало наголову.

Ей снился *такой* сон! Если бы не подруга, в это мгновение она уже бы... Ох!

Но сон больше не хотел возвращаться, и Лиза, поворочавшись еще несколько минут, больше из упрямства, чем по необходимости, поднялась с широкой кровати.

Вернувшись из душа, она застала подругу в полной боевой готовности — в канареечном купальнике, если так можно было назвать три лоскутка ткани, шлепанцах, состоящих из подошвы на высоченном каблуке и единственной полоски кожи, украшенной имитацией тропического цветка, и очков с зелеными линзами и поднятыми кверху внешними уголками. Райская птица, да и только!

— Вижу, ты уже собралась. На пляж?

— Да, мы с тобой идем на пляж, подставим спинки и другие части тела милосердному утреннему солнышку, искупаемся. Мне вчера было как-то не до этого.

— Да, я заметила.

Лиза прошла мимо подруги к шкафу и задумалась на мгновение, но потом принялась надевать темно синий купальник со стразами на груди. Ей хотелось быть постройнее рядом с красивой подругой.

— Лизочек, ты случайно не обиделась на меня? — голос Ками звучал слегка заискивающе, как всегда происходило, когда она чувствовала за собой вину.

— А есть за что? — Лиза методично застегивала пуговицы на длинном прозрачном дымчато-сером халате.

— Ну, не знаю. Я вчера оставила тебя без присмотра и все такое...

— Я уже взрослая. Кстати, мы одногодки, если ты помнишь.

— Ты все-таки обиделась.

— Отнюдь. Я прекрасно провела время.

— С...

— С Рафаэлем.

— Да! Я знала это!

В голосе Камиллы прозвучало столько торжественной уверенности, что Лизе захотелось ее слегка поддеть.

— Откуда? Ты же была весь день занята?

— Не стану отрицать, — Лиза хмыкнула, и подруга торопливо добавила. — Но на подсознательном уровне я чувствовала, что этот мужчина не оставит тебя в покое. И как он?

— Что именно? — Лиза сделала вид, что не понимает, о чем речь. — Красив, как всегда.

— Елизавета, не юли. Рассказывай. Тебе понравилось с ним... ну...

— Целоваться? Понравилось. Это было... неплохо.

Даже со своей подругой Лиза не могла поделиться чудесными ощущениями, которые испытала в объятиях Рафаэля. Природная стыдливость сдерживала ее. Если бы кто-то из ее читательниц узнал об этом, то точно не поверил, что автор подобных книг может быть настолько скромным в личной жизни. Одиноким человеком. До этой поездки.

— Ты должна с ним переспать.

— Ками, тебе не кажется...

— Не кажется. Я уверена в этом. Можешь поверить моему наметанному глазу, твой официант — отличный любовник. Ты запомнишь эту поездку на всю жизнь.

Вот этого она как раз боится больше всего. Но и мечтает тоже. Что ждет ее в будущем? Будни стареющей сказочницы, проходящие наедине с любимым блокнотом или ноутбуком? Неважный выбор!

Но пока она не готова обсуждать с эту тему с Камиллой.

— Не думаю, что все будет так уж феерично.

— Лягушенок, твой секс с Рафом и воспоминания о нем будут восхитительно сказочными! Поверь мне. — Ками схватила ее за руки и закружила по комнате, как они часто делали в детстве. Лизу развеселило девичье хихиканье подруги. Та светилась от счастья.

— Как у тебя с Громовым?

— Кто такой Громов?

— Как кто? «Викинг», конечно.

Камилла, запыхавшись, плюхнулась в кресло.

— Не знаю никакого Громова. Лизок, ты что-то путаешь.

— Камилла, открой глаза! Гоша Громов. Из нашего класса. Белобрысенький такой.

Ками медленно сняла очки, и Лиза увидела настоящее потрясение в ее больших, профессионально подведенных глазах.

— Белобрысый. Долговязый. С прыщами и веснушками на носу.

— Он, — пискнула Лиза.

Она уже сожалела о том, что сообщила о Громове подруге. Та так радовалась, веселилась. Наверное, и Гоша не хотел, чтобы Камилла его узнала. Если бы хотел, то уже сказал бы. Хотя... И что теперь делать?

— Я спала с Громом.

— Он был спокойным мальчиком.

— Спасибо. Утешила. — Камилла говорила так отрешенно спокойно, выглядела такой непохожей на себя, что Лиза присела около нее на корточки и обняла за ноги.

— Дорогая, все твои любовники когда-то были мальчиками.

— Но ни одного из них я не видела с прыщами на лице и костлявыми коленками.

— Ками, но ведь и он видел тебя маленькой девочкой, и это не имело для него значения. Или ты думаешь, что он тебя не узнал?

— Я уже ничего не думаю. Не могу. Может, ты пойдешь к морю сама?

Этот потерянный вид совсем не подходил яркой, жизнерадостной Камилле. Лиза решила взять бразды правления в свои руки.

— Нет, дорогая. Ты мне должна вчерашний день. Я требую, чтобы ты меня сопровождала.

Сквозь темные стекла очков Ками рассеянно наблюдала за чайками, парящими над морем. Они то почти касались белых барашков волн, то взмывали вверх в вечных поисках чего-то, о чем люди могли только догадываться.

Море сегодня выглядело беспокойным, как и настроение Камиллы. Еще бы тучи набежали, да дождь начался, гром грянул. Гром!

Кажется, она совсем расклеилась. Что-то с ней происходит. Что-то непривычное и ужасно раздражающее. Одни мысли чего стоят, кружатся возле одного и того же, как назойливые пчелы возле сладкого.

Ее «викингом» оказался Громов, самый незаметный из ее одноклассников. Господи, ну почему именно он? Не красавчик Санька Блинчиков, по которому сохли все старшеклассницы и молодые учительницы, и даже не Витька Штык — парень не слишком большого ума, зато замечательный атлет.

Она вспомнила еще нескольких ребят, с которыми периодически встречалась и даже целовалась. Нельзя сказать, что они ей очень нравились, в то время она обращала внимание на старших ребят. Но Громов. Несмотря на громкую фамилию, он был очень застенчив. Странно, что она вообще его вспомнила. Эти два образа — долговязый паренек из ее детства и загорелый, сильный, внимательный любовник — никак не желали совместиться у нее в голове.

Камилла перевернулась на живот. Ее мышцы напомнили о своем существовании болью. Даже если бы она захотела, ей не удалось забыть прошедшую ночь, наполненную страстью и нежностью. Удивительной нежностью.

Невольный громкий вздох сорвался с ее губ.

— Ками, ты как? — в очередной раз спросила Лиза.

Ей не хотелось разговаривать, но она промычала:

— Лучше всех.

— Ты уверена? Извини за назойливость, но я чувствую себя немного виноватой, что... ну, что сказала тебе о Гоше. Я думала, ты его узнала, что вы пообщались.

— Не глупи, Лизок. При чем тут ты? Мы с ним взрослые люди, могли поговорить.

Но не сделали этого. Им было не до разговоров. К сожалению. А может к счастью.

Она не стала бы заниматься с Громовым сексом, если бы узнала его. Скорее всего, они пошли бы все вместе в ресторан, вспомнили школьные годы, обсудили общих знакомых, погуляли при луне и разошлись по номерам — каждый в свой. И эта памятная ночь не случилась бы. Наверное.

Она невольно засмотрелась на светловолосого малыша, возводящего неподалеку замок из песка. Пшеничные прядки торчали в разные стороны из-под повернутой козырьком назад кепки, измазанный в мокром песке нос украшали крупные веснушки, а маленькие широкие ладошки упорно сражались со своенравным строительным материалом. Она давно бы уже махнула рукой на это дело, а упрямый мальчик после очередного обвала башенки быстро засеменял на крепких ножках к морю, прихватив с собой красное пластмассовое ведерко. Мокрый песок оказался более послушным, и малышу удалось восстановить башню. Он довольно вытер руки об зеленые шортики.

— Мама!

— Чего тебе?

Молодая женщина в коричневом бикини оторвала голову от спинки шезлонга в двух метрах от Камиллы.

— Правда, я молодец?

— Конечно, мой хороший.

— Когда я вырасту большой — пребольшой, как наш папа, я построю для тебя огромный замок, и ты будешь королевой.

Губы Ками дрогнули в улыбке.

— Договорились, сыночек.

Женщина снова подставила лицо солнцу, а малыш посмотрел на грязные ладошки, бросил на маму осторожный взгляд, лизнул пальчики и уморительно сморщил нос.

— Мама!

— Что опять?

— Знаешь, почему море соленое?

— Почему?

Из-под кепки мелькнул озорной взгляд.

— Потому что в ней плавают селедка!

Женщина в коричневом купальнике расхохоталась, подошла к малышу и повела его к морю мыть руки. Ками не могла оторвать взгляд от этой парочки.

Она однажды уже видела подобный взгляд — на уроке физкультуры в средней школе. Гоше Громову никак не удавалось залезть по канату до потолка спортзала. И хотя он раз за разом падал на жесткие маты и, наверное, весь покрывался синяками, но упорно стремился к своей цели, то есть к потолку. Именно это упорство, а еще подколки других ребят, заставили Камиллу обратить на него внимание. Пожалуй, это был единственный раз. Почему-то ей запомнился озорной, победный взгляд из-под его светлой челки, брошенный в ее сторону, когда он добился своего.

В это время мама с малышом прошли мимо Камиллы, и она подумала о том, что у них с Громовым мог получиться такой сынишка — крепкий, смысленный и упрямый.

Неужели она об этом подумала?

Нет, она еще не готова стать матерью. Да и женой тоже. А раз замуж она не собирается, то и о малыше думать рано. Дети должны рождаться только в законном браке.

К тому же в Турцию она приехала, чтобы его, брака, избежать, а не для того, чтобы на него нарваться. Ками давно для себя решила, что семейная жизнь не для нее. Тем более с Громовым. Что она о нем, теперешнем, знает? Кем работает, где живет, что думает? Может его вполне устраивают их временные отношения — без обязательств и обещаний. Почему он не сказал, кто он? Хоть бы намекнул. Думал, что она его узнала или не хотел, чтобы поняла, с кем спит? Или ему все безразлично? А может, он вообще женат?!

Она так скоро умом тронется.

Ей очень хотелось узнать ответы на эти вопросы, но она не была готова их услышать.

— Клио, ты должен что-то сделать. Как-то его накажи, заставь раскаяться, извиниться.

Она была рассержена и обижена. Он посмел ее выгнать — негодяй, выскочка, пусть и очень симпатичный. Хорошо, что приехал Клио. Кроме отца только он способен повлиять на Раллиса.

— Конечно, а еще влюбиться и жениться.

Ее возмутила насмешка на лице брата.

— Да, я захотела замуж. Что здесь смешного?

Разгневанная Мелина ерзала на диване и нервно курила пятую за последний час сигарету. Она стряхивала пепел прямо на ковер в сениор съют брата, хотя и видела, что он хмурится, наблюдая за этим.

— Еще на прошлой неделе ты не желала слышать о свадьбе. И почему Рафаэль? Кажется, ты искала кого-то повлиятельнее.

Мелина не желала ничего объяснять. Зачем зря тратить время? Клио все равно не поймет.

— А сейчас я хочу Рафаэля.

— *Сейчас*ты ведешь себя как избалованная девчонка. Чего тебе не хватает? Деньги отец регулярно переводит на твой счет, шмотки не помещаются в гардеробе, резвишься, с кем пожелаешь.

- Завидуешь?
- Мне некогда, детка. Я в отличие от тебя работаю.
- Скука.
- Займись чем-нибудь. Помани очередного мальчика и наслаждайся жизнью.
- Мне не нужен мальчик. Я требую Рафа.

Клио расстегнул рубашку и вздохнул.

— Отец не разрешит тебе выйти за него. Разве что старик Раллис расширит наш бизнес за счет собственного капитала.

Голос брата звучал устало. Мелина знала, что он только-только вошел в отель. Клио еще не успел умыться после перелета, как она ворвалась в его номер и принялась жаловаться на Рафа. Заметив, как он промокнул влажный от жары лоб полотенцем, Мелина на мгновение пожалела его, но затем решила, что брат отдохнет позже, когда решит все ее проблемы.

— Мне плевать, как все это произойдет. Я собираюсь стать женой твоего друга, и ты обязан мне это организовать. Забыл, кто тебя с ним познакомил? Ты мой должник.

Клио налил себе бренди и развалился в мягком кресле, прикрыв глаза рукой. Она машинально отметила, насколько он привлекателен. Если бы Клио не приходился ее родным братом, а хотя бы двоюродным, она не оставила бы ему ни единого шанса избежать ее сетей. Его мужская привлекательность могла сравниться лишь с привлекательностью Раллиса. А раз она не могла заполучить Клио...

— К чему вся эта суета? Из той речи, которую ты прокричала, я понял, что Рафаэль не планирует на тебе жениться. Он истратил на телефонные разговоры дневную прибыль, требуя моего присутствия.

— Я чувствую, нет, уверена, что у него кто-то появился. Ты должен узнать кто она.

— И что тогда?

— Ты ее нейтрализуешь.

Эта идею она обдумывала уже не один час, и с каждой секундой она все больше ей нравилась. Но, кажется, Клио был другого мнения. Он вскочил с кресла и навис над ней, гневно сверля карим взглядом.

— Что?! Ты за кого меня принимаешь? Раф — мой друг!

— А я — твоя сестра. Ты обязан мне помогать.

— Я обязан следить, чтобы ты не наделала глупостей, сестричка. Вмешиваться во все это я не собираюсь. И тебе запрещаю.

Мелина пыталась вспомнить, когда в последний раз видела брата в подобном состоянии. Кажется, это было на восемнадцатилетие Клио, когда она оставила включенной видеокамеру в его комнате, а он притащил туда подружку. Но даже тогда она не испугалась его угроз. Вспыльчивый, но отходчивый Клио никогда не поднял бы на нее руку.

Поэтому сейчас она лишь демонстративно затушила сигарету в его бокале и пригрозила:

— Я сама ее найду.

Лиза в дымчато-сером платье с маленькими рукавчиками и рюшами по глубокой горловине стояла в комнате Камиллы и уговаривала ее пойти в ресторан, но пока ни один из аргументов не действовал. Ками не торопилась соглашаться, но и не отказывалась наотрез. Она безмолвствовала, глядя на дверь. К счастью, подруга не выглядела подавленной, скорее сосредоточенной, но нехарактерная для нее молчаливость слегка пугала Лизу.

Камилла не реагировала и на регулярно трезвонящий мобильный. Даже терпеливая Лиза, наконец, не выдержала.

— Может, это мама?

— Твоя мама звонила еще утром. — Прогресс! Камилла произнесла целое предложение.

— Я твоя?

— И моя. Уже дважды.

— Возможно...

— Лиза, успокойся. Со мной все в порядке. Я просто не хочу разговаривать с этим человеком. — Лизу очень интересовало, с кем, но она сдержалась и не спросила. — Как ты думаешь, мне пойдет тату на плече в виде кошечки?

— Тату?!

— Маленькое.

— Камилла, хочу тебе напомнить, что ты фотомодел. Мне казалось в твоём агентстве не принято...

— И помечтать нельзя.

Ками поднялась с кровати, потянулась и отправилась к шкафу. Она вытянула оттуда серебристый топ.

В дверь постучали, и Лиза отправилась открывать.

Гоша выглядел потрясающе в серой рубашке и потертых джинсах. Не удивительно, что Камилла была от него без ума. Но он ожидал каких-то слов, и пока Лиза придумывала что сказать, в комнату вошла подруга, как-то отрешенно произнесла «Привет» и ушла обратно.

Лиза заметила мгновенно увядшую улыбку Громова и как можно мягче сказала:

— Гоша, приходи в другой раз. Кажется, ей нужно больше времени.

— Ты... Она знает?

Как все это трудно. Лиза ненавидела быть посредником в любовных делах.

— Да.

— Я так и знал, что этим все закончится.

Мрачный и расстроенный он повернулся, собираясь уйти. Но тут возмутилась Лиза.

— И ты собираешься уступить ее кому-то другому? Я была о тебе лучшего мнения.

— Да? — Кажется, ей удалось удивить этого большого мужчину. — И что, по-твоему, я должен делать?

— Бороться.

На лице Громова появился интерес.

— Думаешь, у меня есть шанс?

— Думаю, шанс есть всегда. — В ее романах однозначно. А в жизни... — Тебе решать. Камилла достойна настоящего мужчины.

Следовало найти себе другое занятие. К примеру, сыграть партию-другую в шахматы. Прекрасный комплект изящных фигурок из слоновой кости одиноко пылился в соседнем зале. Но Рафаэль выслеживал дичь, а надежда найти другого подходящего партнера в этом отеле была весьма призрачной. Значит, приходилось довольствоваться бильярдом.

Гоша гонял шары по зеленому полю с завидным упорством. Если бы при этом его мысли вертелись вокруг до сих пор пустующих лунок, было бы вообще замечательно. Но в его голове царил Камилла — ее гибкое тело, низкие стоны, прерывистые всхлипы во время кульминации, хрипловатый смех и сумрачный взгляд, которым она одарила его сегодняшним вечером.

Ему тут же захотелось забросить ее на плечо и так пройти тот путь к ее спальне, какой она пределала без него. А затем любить эту женщину до тех пор, пока она не попросит еще.

Но он не сделал ничего из этого. Наверное, виновата гордость. А еще отчаяние.

Ему повезло, что Лиза решила достучаться до него. Она нашла именно те слова, в которых он нуждался. В противном случае в это время он уже напивался бы в баре.

Громов решил, что не отступится, и что ему нужен план.

Цветы. Шоколад. Украшения. Хмм.

Все это казалось Гоше слишком банальным, когда дело касалось Снигиревой. К тому же он понятия не имел, какие цветы она любит, ест ли конфеты — фигура и все такое, и Громов подозревал, что Камилла носит только авторские побрякушки. Он сомневался, что такие вещицы продаются в ювелирном магазинчике на первом этаже гостиницы.

Единственный эксклюзив, который он мог ей предложить — это изобретательный, неутомимый и неэгоистичный секс. Но сегодня Ками отказалась от него.

Кажется, ему может помочь только чудо.

Громов бросил кий и отправился в ресторан.

— Как долго ты собираешься его игнорировать?

— Кого? — Ками завертела головой, явно кого-то высматривая.

— Телефон. Он звонит десятый раз за последний час. И рингтон какой-то, мягко говоря, странный.

— Телефон? Пусть звонит. Он мне не мешает. — Камилла в очередной раз нервно поправила ожерелье в виде змейки.

Их столик размещался в чудесном месте, еда была восхитительной, и приносил ее Рафаэль — как всегда очень привлекательный и обходительный, хотя и немного рассеянный.

Еще Лизу раздражало его внимание к Камилле. Она заметила каждый взгляд, брошенный на подругу, проанализировала каждое слово, обращенное к Ками. К тому же он даже не намекнул на свидание, о котором они договаривались. Ей же так хотелось послушать продолжение сказки и... еще раз ощутить прикосновение его губ. Но пока Лизе приходилось довольствоваться его услугами официанта.

Умом она понимала, что во всем этом не было ничего необычного, Раф просто выполнял свою работу, причем весьма качественно, но ее чувства будто взбунтовались.

Что-то с ней не так. Неужели она ревнует? Это так непривычно и неправильно. А еще — несправедливо по отношению к Ками.

Лиза в очередной раз попыталась избавиться от неприятного ощущения и заставила себя вспомнить, что у Камиллы сегодня тяжелый день. Хотя выглядела она как всегда сногшибательно в серебристом топе и шифоновой юбке — брюках и даже пыталась улыбаться, но Лиза знала подругу слишком хорошо, чтобы не заметить резковатые, нервные движения ее рук и головы.

И эти странные звонки. Лиза решила расспросить о них Ками, а заодно и отвлечь.

— Если ты не собираешься отвечать, так выключи его вовсе.

— Мама может позвонить.

— Ты уже разговаривала с ней перед ужином.

— А с тетей Ниной еще нет.

— Ками, дорогая, может, хватит темнить? Кто этот неизвестный, на номер которого ты настроила такую мрачную мелодию?

— Ну, ты и зануда, Лягушенок. Ладно. Это Борис.

Лиза перебрала в памяти всех знакомых ей Борисов и остановилась на двух.

— Владелец твоего журнала или телекомпании?

— Журнала.

— О! — Борис Найда был представительным и симпатичным мужчиной, к тому же последним, нет, предпоследним любовником Камиллы. Его слащавые манеры и снисходительное

обращение всегда раздражали Лизу. — Чем же он тебя обидел?

— Он хочет на мне жениться.

— Понятно. Значит, это от него ты сбежала в Турцию?

— Лизок, ты слишком догадлива. Даже для писательницы.

Она проигнорировала это замечание. Ее сейчас интересовало совсем другое.

— И что ты собираешься делать? Нельзя же прятаться здесь вечно.

— Я что-нибудь придумаю. Сегодня ночью у меня будет уйма времени.

Это была *она*. Даже если бы Раллис не кружил вокруг нее, как ворон, Мелина все равно догадалась бы — именно такая женщина должна ему понравиться.

Что за несправедливость? Разве она сама не такая же чертовски сексуальная, ухоженная, знающая себе цену красавица? Почему он променял ее на другую?

Возможно, Рафу захотелось чего-то особенного, остренького? Или он искал новизны? Но ему стоило только намекнуть, Мелина и сама любила поэкспериментировать.

Она не поленилась и обошла по периметру огромный ресторан. Мелина не сомневалась, что именно здесь найдет Раллиса и его новое увлечение. Она вообще редко ошибалась, а сейчас ее женская интуиция подсказывала, что *такую* женщину Мелина сможет нейтрализовать без особенных возражений со стороны Рафа.

Тот факт, что он вырядился перед ней официантом, чем весьма позабавил Мелину, верный признак того, что серьезных намерений по отношению к этой женщине он не имеет. Если красотка просто исчезнет из этой гостиницы — из его жизни, то он снова вернется к своей страстной, великодушной Мелине, и уж тогда она побеспокоится о том, чтобы Раллис не думал больше ни о ком.

— Стоять, командир. Честно предупреждаю, что с этого момента ты мне больше не друг.

— Громов, ты совсем рехнулся от вожделения?

Парень перехватил Рафаэля именно в тот момент, когда тот собирался напроситься в провожатые к Лизе. Он и так еле вытерпел эту вечернюю пытку, когда не мог коснуться ее из-за своей глупой затеи — представиться официантом. Если бы не это, он мог бы, не таясь, ухаживать за очаровательной девушкой, сидеть рядом с ней за столиком, держать ее за руку, пригласить на свидание, сделать дорогой подарок.

Ему было все труднее держать себя в рамках, но не успел он освободиться от белоснежного полотенца, как на его пути возник Громов с нелепыми обвинениями.

— Это я рехнулся? От вожде... — Гоша в гневе почти навалился на него. Следовало признать — ему до сих пор везло, что он не попадал под горячую руку этому огромному мужчине. Возможно, сегодня удача отвернулась от него. Что же приключилось с Громовым?

— Тише, парень. Не бузи. Хочу напомнить, что это моя гостиница. И охрана тоже работает на

меня. А ну-ка, колись, что на тебя нашло?

— Ты решил сделать рокировку, так?

— Что-то до меня плохо доходит. О чем речь?

— Раф, не прикидывайся глупее, чем ты есть. Раллис никогда не потратит на девушку лишнюю минуту, если не собирается ее соблазнить.

— Я и не скрывал, что хочу Лизу. К чему все эти пламенные речи?

— Лизу? Да ты глаз не спускал с Камиллы, комплиментами ее засыпал, как купюрами! Думал, не сдержусь — прибегу и в морду заеду!

— Понятно. — Раф как можно беззаботнее потрепал друга по плечу. — Не нужна мне твоя Камилла. Успокойся.

— Тогда зачем...

— Случайно. На Лизу спокойно смотреть не могу. Того и гляди, не удержусь, наброшусь прямо в ресторане. Вот я и отвлекался. А ты что, подсматривал?

— Ну, так. Немного.

— Слушай, тебе не показалось, что она меня ревнует?

— Камилла?

— Ты болен, дружище. Лиза, естественно. — Рафаэль слегка отодвинул от себя Гошу. Тот выглядел слишком агрессивным. — Хотя, можешь не отвечать. Ты видишь только одну женщину.

— Попал я.

— Вижу. Чего тогда не подошел, не увел куда-нибудь? Тебе польза, и мне легче.

— Она меня отшила.

— Что!? Когда?

— Давняя история.

— Ладно, позже поговорим. Извини друг, но я не хочу вытаскивать Лизу на свидание из постели. — Раф задумался. — Идея неплохая, но вряд ли осуществимая.

— Иди уж, а то сгоришь от похоти. Никогда тебя таким не видел.

Лавируя между столиками, Рафаэль вынужден был согласиться с Гошей — он никогда не был таким нетерпеливым. И возбужденным.

Он передумал соблазнять ее. То есть морочить ей голову сказками.

Лиза долго мурыжила десерт, чем почти вывела из себя Ками, но Рафаэль больше не появлялся. Странно, что она вообще на что-то надеялась. Такие красивые мужчины никогда не

задерживали на ней свой взгляд, если вообще ее замечали.

Лиза вздохнула и поплелась за подругой в номер, глядя себе под ноги. Она почти обошла высокого мужчину, оказавшегося на ее пути, но тот нежно взял ее за локоть, и Лиза подняла на него удивленный взгляд.

Рафаэль. Он стоял так близко и смотрел так пристально, что у нее перехватило дыхание.

Лиза виновато взглянула на подругу, которая в этот момент обернулась, чтобы выяснить, почему она задержалась, и поймала ее грустную и понимающую улыбку. Ками махнула им рукой и затерялась в группе отдыхающих.

Они медленно брели по берегу. Снова. Но этот раз не был похож на их первое свидание. Даже молчание красноречиво говорило о том, чего они оба хотели. И о чем еще не было сказано ни слова. Во всяком случае, Лизе хотелось так думать.

Рафаэль в расстегнутой до пояса белоснежной рубашке и закатанных до колен брюках казался ей совершенным мужчиной. А она чувствовала неуверенность — в своей привлекательности, в умении соблазнить, в силе его желания, в его готовности принять ее такой, какая она есть на самом деле и многом другом, что сейчас очень тяжело формулировалось.

Лишь одно Лиза знала точно — она собиралась отдаться красивому мужчине. Возможно, это решение избавит ее от многих комплексов, а воспоминания о чувственном эпизоде в любом случае скрасят одинокую жизнь старой девы.

Воспитание не позволяло Елизавете первой предложить себя мужчине, и поэтому она ждала, молча наслаждаясь близостью моря и Рафаэля.

Почему он молчит? Возможно, он хочет лишь прогуляться вместе с приглянувшейся девушкой? В таком случае инициатива, исходящая от нее, будет выглядеть смешной.

Лиза попыталась отвлечься, посмотрев на море. Лунная дорожка серебрила волны, превращая морской простор в сияющую ткань.

— Как красиво! — не удержалась она от восклицания.

— Влюбленный Доган прислал Арзу десятки рулонов прекрасных тканей, — Лиза удивилась его проницательности. Воистину непредсказуемый мужчина.

— Продолжение?

— Я обещал.

— И что же девушка? Она приняла подарок?

— Арзу высмеяла принца. Дочь купца не нуждалась в тканях. — Рафаэль встал перед Лизой, взял ее за талию и притянул к себе. — Тогда Доган отправил ей сундук драгоценных камней.

Он почти шептал, и эти звуки вызывали в ее теле трепет, как камертон, настраивали на нужный ему лад. Лиза прижалась к нему и почувствовала, что Рафаэль слегка дрожит. Неужели это ее влияние?

— Арзу отказалась от них?

— Да. Как ты догадалась?

— Настоящей женщине нужны другие подарки.

Лиза осторожно коснулась рукой его груди, погладила, наслаждаясь теплом кожи. Она видела, как Рафаэль затаил дыхание и закрыл глаза.

— И что же это?

— Разве это не твоя сказка?

В ее живот уперся твердый бугор, и Лиза отдернула руку, еще сомневаясь. Он поймал ее ладонь и поцеловал, провел по своему лицу, прижался к ней щекой.

Ноги у Лизы стали ватными, и она прислонилась к мужской груди, не удержалась и легко коснулась ее губами. Он заметил это почти неуловимое движение и хрипло застонал, отклонил ее голову назад и жадно поцеловал.

Звезды рождались и гасли перед ее закрытыми глазами, ей не хватало воздуха, но Лиза отчаянно отвечала на поцелуи. Постепенно его губы переместились на ее шею, плечи, грудь.

Грудь? Лиза не заметила, когда он опустил рукава ее платья и завладел бесстыдно торчащим правым соском. Затем левым.

Она плыла на волнах наслаждения. Ей стало абсолютно безразлично, видит ли их кто-то, слышит ли, как она бесстыдно стонет в ответ на смелые ласки. Она ощущала подобное впервые и собиралась насладиться этим чувством сполна.

Он повернул ее спиной к себе и лицом к морю, чтобы получить полную власть над ее грудью, возможность нежно теребить соски, подставить разгоряченную кожу морскому бризу.

Ветер пробежал по ее ногам, и Лиза поняла, что Рафаэль поднял платье, добираясь до нижнего белья, проникая под него, в нее. О Боже!

Быстрый оргазм сотряс ее тело, и Лиза вскрикнула от неожиданности.

— Горячая. Такая страстная.

Его шепот и легкие поглаживания помогли Лизе немного успокоиться. Она покраснела от стыда за свое поведение на пляже, где ее мог увидеть кто угодно, и попыталась отстраниться от Рафаэля. Он не отпустил ее, но платье поправил.

— Я... — что же говорят в таких случаях? Ведь она получила наслаждение, а он нет. — Ты...

— Лиза, дорогая, я хочу знать только одно. Ты — девственница?

— Нет.

Камилла грустила и злилась. Но это не помешало ей заметить искрящееся притяжение между подружкой и официантом. Этим двоим явно не терпелось остаться наедине, и Ками решила не мешать им ненужными комментариями и пожеланиями. Пусть хоть кто-то сегодня будет счастлив.

Сейчас она не хотела, вернее, не могла разговаривать с Гошей, спать с ним. Но она не подозревала, что ей будет так плохо, когда он просто развернется и уйдет, даже не попытавшись ее переубедить. А ведь она мечтала об этом, в глубине души.

Почему Громов так быстро отказался от нее? Обиделся? Или он только хотел переспать с известной фотомоделью, а когда она повернулась к нему спиной, отправился искать другую женщину?

Нет, Громов не такой. Во всяком случае, Ками на это надеялась. Неужели еще несколько часов назад она видела в нем лишь подростка, бросающего на Камиллу Снигиреву тайные застенчивые взгляды? Кого она обманывала?

Такого тела не было ни у одного из ее любовников. Ни один из них не дарил ей себя так великодушно. Ни одного из них она не хотела так сильно.

Почему она позволила ему уйти?!

Почему не крикнула: «Марш в постель»?!

Почему не опробовала на нем все те штучки, о которых столько читала, но не решалась предложить всем тем мужчинам, что были до него?!

Ответ был прост — только с Громовым она забывала обо всем, впадала в транс, только ему доверяла интуитивно и безмерно.

Глупая женщина!

Ничего, завтра она найдет его, отругает и zalюбит до потери памяти. Если, конечно, он все еще желает ее. Если все, что между ними произошло, для него так же важно, как и для нее. Если...

Странно. Неужели они забыли закрыть дверь своего номера?

А еще выключить свет и телевизор...

— Милла, дорогая, наконец-то! Я соскучился!

О, нет! Как некстати!

— Как ты вошел, Борис? — Высокий мужчина в знакомом банном халате шел ей навстречу, широко раскинув руки. Его мокрые волосы были тщательно зачесаны назад. — Ты принимал душ? В моем номере?

— К сожалению, в той дыре, где меня поселили, нет джакузи. Ты же знаешь, как я люблю пузырьки и массаж. Жаль, что ты не пришла чуть раньше. Мы могли бы понежиться вместе.

Они проделывали это десятки раз. В прежней жизни. Почему сегодня это кажется ей таким... невозможным.

Голос Бориса звучал исключительно доброжелательно, почти благодушно, одеколон был дорогим и приторным, а объятия — радушными, но слишком тесными. Камилла чувствовала себя так, словно ее заперли в золотой клетке, и как можно быстрее отстранилась, позволив твердым губам лишь скользнуть по ее щеке. Но мужчина никак не отреагировал на ее неприветливость и направился к бару.

— Так как ты сюда проник? — Камилла выключила телевизор и устроилась на пуфике, чтобы никто не мог сесть рядом. Странно, раньше прикосновения Бориса не вызывали у нее дискомфорт.

— Портье вошел в мое положение и дал ключ от твоего номера.

— Положение? Что-то произошло? Ты выглядишь очень даже неплохо.

Она не покривила душой, говоря это. Хотя Борису в прошлом году исполнилось сорок, он весьма тщательно следил за своей физической формой и питанием. Возможно, поэтому и выглядел значительно моложе своих лет. Немногие знали о том, что начав сесть, он начал красить свои роскошные, густые волосы дорогой краской со странным названием «Незрелый каштан». Камилле об этом случайно проболтался его стилист.

Борис нравился ей, иначе она не согласилась бы стать его любовницей. Но женой? Нет, его женой она быть не хотела. И избавиться от возникшего отчуждения не могла.

— Не беспокойся, любовь моя. Я лишь сказал этому приятному мужчине, что мы с тобой состоим в гражданском браке, и... я планирую сделать тебе сюрприз.

Знакомая белоснежная улыбка только подлила масла в огонь ее гнева. Решив, что она пожалуется на портье завтра, Камилла еле удержалась от крика, но негодования в голосе скрыть не смогла.

— Зачем? Почему ты соврал? Мог бы дождаться моего прихода или оставить записку.

— Чтобы ты снова скрылась — сбежала от собственного счастья? Дорогая, ты меня недооцениваешь.

«Пожалуй», — согласилась в уме Ками, но вслух произнесла:

— Я не сбежала, а отправилась отдыхать. С подругой. Мне нужно было поразмыслить.

— И как отдых? — Он подал ей белое вино, а сам с бокалом бренди устроился на диване. — Ты утопила телефон?

Ками сделала глоток, раздумывая над ответом.

Красивый, богатый, перспективный мужчина. Он сидел перед ней в небрежной, но тщательно продуманной позе. Его голые, мускулистые ноги и грудь с редкой порослью она видела множество раз. Так же часто она занималась с ним сексом. И ей это нравилось. Раньше. Но сейчас она не могла представить себя вместе с ним в постели. Он же явно рассчитывал на это.

— Я выключила звук. Он мне мешал наслаждаться покоем.

«И ты тоже». Ками, естественно, не сказала этого вслух. Борису придется удовлетвориться таким объяснением.

— Теперь мы будем наслаждаться им вдвоем. Завтра же переберусь в этот номер. Он мне больше нравится.

— Борис, тебе не кажется, что это слишком? Кроме меня здесь живет Лиза. Я не могу выставить ее за дверь!

Она знала, что ее любовник слегка нагловат, но предпочитала называть эту черту его характера напористостью.

— Лиза переселится в мой. Я с ней поговорю, она войдет в наше положение.

— Нет! И еще раз нет! — Она вскочила, стукнула бокалом по столику и заметалась по комнате. Остановившись перед Борисом, Ками ткнула в него пальцем. — И не забывай, что «нас» — нет! Мы не женаты!

Он потянул ее к себе. От неожиданности Камилла не удержала равновесие и оказалась на его коленях. Борис закрыл ей рот поцелуем, несколько болезненным, но довольно приятным. Этот мужчина умел целоваться. Не случайно же он задержался в ее постели на целый год. Но это еще не означает, что она должна заплатить за эту слабость свободой.

Рафаэль нес ее на руках в свой номер и никак не мог решить — обрадовался он ответу Лизы или огорчился. С возгласом «Отлично!» он помчался к гостинице, но глупая мысль о том, что кто-то другой уже любил эту девушку, наслаждался ее нежностью и отзывчивым телом, назойливо сверлила мозг Рафаэля.

— Куда ты меня несешь? В моем номере спит Камилла. Это моя подруга и...

— Моя прекрасная госпожа когда-нибудь отдыхала в сениор съют?

— Нет. А что это такое?

Аромат Лизы окутал его магическим туманом, и Рафаэль еле сдерживался, чтобы не взять ее тут же, на пляже. Он давно решил, что их первый раз обязательно должен произойти в кровати, но даже не подозревал, что ему потребуется для этого столько усилий, терпения, сдержанности. Которая была почти на исходе. Рафаэль ускорил шаги.

— Большой красивый гостиничный номер, в котором останавливаются богатые и знаменитые.

— Богатые. А как мы туда попадем? Ты украл ключ?

Черт его дернул представиться официантом! Что же придумать?

— Конечно, нет. Мне разрешили владельцы гостиницы провести там ночь. В качестве поощрения. За отличную службу.

Он понимал, что его объяснения звучат слегка сомнительно, и покосился на Лизу, но она спрятала лицо на его груди и тихонько вздыхала. Раф не удержался и поцеловал ее в лоб. Девушка подняла глаза и улыбнулась.

Ему не верилось, что такое необычное создание согласилась провести ночь с официантом. Даже если этим официантом являлся сам Рафаэль. Рядом с ней он не чувствовал себя избалованным и пресыщенным. Каждый взгляд Лизы казался ему чистилищем.

Сениор съют походил на дворец. В представлении Лизы. Огромные комнаты, окна, шикарная мебель, мягкий ковер, наверное персидский, графика и гобелены на стенах заставили замереть у входа. Неужели в этом музее можно отдыхать?

Она переминалась с ноги на ногу, уже готовая удрать. Куда только подевалась ее смелость? Да,

желание осталось, но и оно слегка поутихло, пока Рафаэль зажигал свет в комнатах.

— Нравится? — он появился из спальни в одних брюках и протянул ей руку.

— Красиво.

Лиза помедлила, но тут же отругала себя за нерешительность. Если уж она сюда пришла, то отступить в самый последний момент будет трусостью. Когда еще ей подвернется такой шанс?

Она направилась навстречу... Неизвестности? Ну, почти. Хотя, она много читала об этом.

Спальню освещал только торшер.

Он оказался ее последним наблюдением.

Рафаэль взял ее лицо в свои руки и поцеловал. Она инстинктивно обняла его за талию и забыла, где находится.

Горячие губы вбирали ее дыхание, язык вначале осторожно, а затем все более настойчиво принуждал приоткрыть рот, впустить за белоснежную преграду, навязывал свой ритм. Она подчинилась, замороженная происходящим.

Лиза поняла, что осталась без платья, когда легкая ткань коснулась ее щиколоток. Она переступила через него и оказалась еще ближе к жаркому телу, коснулась его своей напрягшейся грудью и подрагивающим животом.

Рафаэль глухо застонал, подхватил ее на руки и отнес на кровать. По сравнению с ее разгоряченным телом простыни показались Лизе прохладными, но это было к лучшему. Жар стал нестерпимым.

Он уже ждал ее. Обнаженный, с горделиво поднятой плотью, мужчина встал перед ней на колени и лишь смотрел, обволакивая взглядом тело, но между ее ног в одночасье стало влажно.

«Ну, давай же, скорее!»

Ей хотелось умолять его, но она не решалась. Лиза не знала, как воспримет Раф инициативу со стороны женщины.

Лиза всхлипнула от облегчения, когда он наклонился и накрыл ладонями бесстыдные соски. Раф провел руками по ее животу, посмотрел в глаза и очертил большими пальцами край кружевных трусиков, самых сексуальных, какие нашлись в ее гардеробе. Не отводя пылающего взгляда, он ужасно медленно, будто дразня, поддел ажурную ткань и потянул ее вниз, осторожно снял с ног, поцеловав свод стопы.

Она почти заплакала от подобного внимания, от нежности прикосновений, и закрыла руками лицо, стараясь скрыть от него эту слабость.

— Нет. Не прячься от меня.

Он отвел ее руки и прижал их к кровати над головой одной рукой. Она не чувствовала себя связанной, лишь чересчур открытой и незащищенной от него, от чувств.

Рафаэль осторожно развел ее колени в стороны и коснулся лобка, пробрался пальцами внутрь

и улыбнулся. Она знала, что готова и лишь шире расставила ноги, соглашаясь.

Твердая, большая плоть, почти мгновенно облаченная в презерватив, постепенно и неумолимо проникала в нее, растягивая и покоряя.

Лаская языком ее соски, он шептал:

— Такая жаркая! Такая тесная!

— Прости.

Легкий дискомфорт постепенно превращался в болезненные ощущения. Не удивительно, ведь у нее давно никого не было.

— Милая, это же хорошо. Я рад.

— Правда?

— Конечно.

Со лба Рафаэля упала на ее лицо капля пота. Кажется, ему тоже нелегко. Что касается Лизы, то в этот момент она сожалела лишь об одном, что не завела себе любовника раньше. Тогда сейчас она не сжимала бы губы, пытаясь не стонать от боли, а кричала бы от наслаждения.

Раф согнул ее ноги в коленях почти вышел из нее. Лиза вскрикнула, пытаясь остановить его. Она не сомневалась, что у них все получится

— Извини, но я больше не могу медлить. Только нужно немного потерпеть.

— Да! Да!

Она почти задохнулась от боли, когда огромная плоть ворвалась в нее.

Черт бы побрал Стаса Морквина!

— Я в душ.

Лиза попыталась вытянуть из-под него простыню.

Вдруг смутившаяся сочинительница сказок для взрослых не переставала его удивлять. Буквально несколько мгновений назад она вжималась в него всем телом, царапая кожу, а теперь, словно школьница, пытается скрыть свою нагую красоту. Возможно, даже удрать, во всяком случае, что-то похожее на это намерение мелькало на ее очаровательном личике.

Он прервал это бесплодное занятие, опрокинув девушку на спину и запечатлев на распухших губах короткий поцелуй. Рафаэль уже смирился с тем, что целоваться с Лизой ему не надоест никогда.

После того, как он с ней поговорит.

— Ты маленькая и очень привлекательная лгунья.

Он повторил пальцем контур ее губ и слегка поерзал, устраиваясь поудобнее. На ней оказалось очень приятно лежать.

— Разве?

На какой-то миг Лиза широко распахнула глаза, а затем зажмурила их, словно маленький ребенок, играющий в прятки. Девчонка, да и только. Он не мог сдержать улыбку.

— Значит, мне только показалось, что я у тебя первый?

Сам он не сомневался в этом, но не удержался и поддразнил. Раф добился того, чего хотел — девушка покраснела и прикусила нижнюю губу.

— Я думала... была уверена, что... — Лиза нахмурилась и тихо спросила. — Это плохо... ну... что первый? Конечно, я довольно неуклюжая и...

Он рассмеялся и поцеловал ее, на этот раз между полными полушариями самой восхитительной в мире груди.

— Плохо.

— О!

— Я мог быть нежнее... — его губы сами потянулись к налившимся ягодам сосков, — двигаться медленнее... — Лиза пошевелилась, а он напрягся и застонал.

— Куда уж медленнее.

Рафаэль снова расхохотался. Он давно не чувствовал себя таким беззаботным и счастливым.

— Моя ненасытная госпожа изволит гневаться? — Он легко прикусил кожу на ее шее, а затем принялся пощипывать ее губами, наслаждаясь ароматом Лизы и страсти.

— Нет. То есть да. — Лиза повернула голову так, чтобы ему было удобнее. — Не называй меня госпожой. Лучше просто Лиза.

— Лиза, — его руки уже ласкали ее тело, мягкое и нежное. Нет, его тело. Теперь эта женщина принадлежит ему. Она пока не знает об этом, но Рафаэль уже решил для себя, что не отпустит ее. — Расскажи о нем.

— О ком?

— О глупом мужчине, который, якобы, сделал из тебя женщину. Или был еще кто-то? — Раф заставил утихнуть неожиданно вспыхнувшую ревность. Кажется, он стал собственником.

— Только один. Хотя, разве он теперь считается?

Рафаэль вздохнул, обнял Лизу покрепче и перевернулся вместе с ней на кровати так, что она оказалась сверху.

— Сначала расскажи, а потом мы решим — считается или нет.

— Стас, мы учились в одном университете, однажды сказал... — Лиза замолчала и принялась чертить пальцем по его груди какие-то фигуры, чем ужасно отвлекала Рафаэля, поэтому он

нетерпеливо поцеловал ее в губы, понукая продолжить. — ... что во мне нет ничего женственного и... сексуального.

— Дурак. И ты...

— И я решила ему доказать, что... во мне это есть.

— И как же? — Он уже начал догадываться как, но до конца не мог поверить, что Лиза на это решилась.

— Результат ты видел.

— А что было между разговором и результатом?

Раф понимал, что она смущена, но он хотел услышать все. Между ними не должно быть тайн. Он вспомнил о собственных секретах. Не сейчас. Позже.

— Рафаэль, неужели это так важно? Ничего такого, как сегодня, не было. Пара поцелуев, неуклюжие объятия, и боль. Хотя и не такая сильная. А потом он сказал, что нужно будет как-нибудь повторить, и что мне нужно тренироваться. Я отказалась. Все.

— И где он теперь, этот Стас?

— Не знаю. Мне не интересно.

— Жаль.

— Что?!

— У меня возникло непреодолимое желание его поколотить. Тренироваться! Надо же такое придумать? Это ему нужно тренироваться. Видимо, он слишком сильно хотел тебя, а ты не обращала на него внимания. Все просто.

— Ты так думаешь?

— Я уверен. Кто из нас мужчина?

Он приподнял свои бедра, и вместе с ними Лизу.

— Ты. Да еще какой!

— Ты так думаешь?

— Я уверена.

Никогда еще Рафаэль не испытывал такой силы, уверенности, желания доставить женщине незабываемое наслаждение. А еще нежности, почти щемящей.

Он поцеловал Лизу и раздвинул стройные ноги в стороны, проникая пальцами в манящие глубины. Раф ласкал ее медленно и настойчиво до тех пор, пока она не задышала часто и прерывисто, сжала его плечи, впиваясь ногтями в кожу, закусил нижнюю губу в желании сдержать стон. И тогда он позволил ей потеряться в удовольствии, сотрясаясь и доводя его до исступления. Наконец-то и ей хорошо.

Он решил, что она будет спать здесь, в его номере. Рафаэль не мог ее отпустить.

Раф еще не знал, что скажет ей, как объяснит свое неожиданное превращение в хозяина гостиницы, но одна только мысль о том, что Лиза может исчезнуть из его жизни, причиняла ему боль.

Это была его первая девственница.

Камилла встречала рассвет на балконе — довольно широком, больше похожем на террасу. Устроившись в одном из двух кресел, подложив яркую парчовую подушку под спину, она наслаждалась горячим турецким кофе и размышляла.

Легкая дымка делала картинку перед ее глазами расплывчатой, почти нереальной, но Борис, спящий в ее кровати, был настоящим.

Ей не удалось выпроводить его из номера, как она ни старалась. Мужчина упрямо настаивал на близости, невзирая на все ее аргументы, а Ками не хотела устраивать скандал на всю гостиницу.

Потерпев поражение, она отправилась в ванную комнату и просидела там час, надеясь, что за это время Борис уснет, устав с дороги. Ее ждало разочарование. Мужчина, развалившись на кровати, продолжал пить бренди. Отчаянно мечтая, чтобы он опьянел и наконец забылся сном, Камила почти час снимала макияж, наносила крем и переодевалась.

Ее бывший любовник оказался крепким орешком. Борис с явным удовольствием наблюдал за ее действиями, что-то напевая. С каждой минутой происходящее раздражало Ками все больше.

Всего за несколько дней после официального предложения руки и сердца ее отношение к Борису изменилось кардинально и непоправимо. Она не только не желала выходить за него замуж, но и не хотела — не могла заниматься с ним сексом. А он лишь посмеивался над ее возмущением и вынужденными уловками. Наверное, Борис считал их женским капризом.

Как быть? Не могла же она позвать на помощь охранника? Об этом обязательно напишут в газетах.

Ками тут же представила себе заголовки — «Совладельцы известного журнала поссорились во время секса!», «Бывший журналист преследует свою компаньонку!», или «Фотомодель спасается бегством от притязаний любовника, известного репортера!»

Нет, такая слава ей не нужна. Даже ради высокого рейтинга.

Камилла вздохнула и нехотя устроилась на кровати — как можно дальше от Бориса. Она натянула на себя атласное покрывало, пытаясь укрыться от назойливого взгляда.

— Скромность, конечно, украшает женщину, но не в твоем случае, дорогая. Я знаю твоё восхитительное тело достаточно хорошо.

Она могла бы поспорить с этим утверждением, ведь ей было с чем сравнить, но не стала.

Борис жадно провел рукой по гладкой ткани, останавливаясь на выпуклостях ее тела. Камиллу передернула от... брезгливости? Как же она спала с ним раньше?!

Борис, видимо, совсем по-другому оценил дрожь ее тела. Он отбросил покрывало и сжал грудь,

прикрытую лишь легким шелком ночной сорочки.

— Сейчас, дорогая. Еще мгновение и я буду готов.

Зато она не будет. Во всяком случае, для него.

Хотя Камилла Снигирева всю жизнь избегала схожести с другими женщинами, в этот критический момент она не удержалась и выпалила классическую женскую отговорку:

— Я не могу сосредоточиться. У меня болит голова.

Широкие брови Бориса, словно гусеницы, поползли вверх. Еще бы, он впервые слышал от нее такое объяснение, но, кажется, истерическая нотка в женском голосе убедила его. Он снисходительно похлопал ладонью по ее бедру.

— Ну что же, мы можем сделать это утром.

Дождавшись тихого храпа, Камилла осторожно выскользнула из постели и отправилась спать в комнату Лизы.

Ей приснился Громов — его сильное тело и нежные руки. Они занимались любовью. Сон казался настолько реалистичным, что Камилла проснулась от собственного стога. Она пошарила рукой по широкой кровати, но вокруг был лишь гладкий атлас.

Ками готова была отправиться к Громову тут же, но не знала, в каком номере он живет. Поэтому молча, с открытыми глазами она дождалась, когда начало светать, и заказала по телефону кофе. Камилла караулила у двери, дожидаясь официанта, чтобы тот ненароком не разбудил Бориса. Его обещание не давало ей покоя.

Открывающийся с балкона вид на море по идее должен был вселить в нее покой, но на душе Ками скребли кошки.

Лизочек, подружка, где ты так долго?

Ванная в виде огромной ракушки переливалась перламутром, ноздри дразнил аромат корицы, а тело млело от мужских прикосновений.

Рафаэль разбудил ее поцелуем и осторожным, почти безболезненным вторжением. Позже он отнес ее ванную и как драгоценную жемчужину усадил между своих ног спиной к широкой груди. Он тешил ее кожу вначале мягкой губкой, а затем пальцами, поглаживая, разминая, вводя в транс, приводя в восторг.

Лиза поняла, что запомнит эту ночь на всю жизнь, и решила написать о ней сказку. Потом, когда вернется.

Несмотря на то, что все это произошло с ней впервые, она понимала: самое главное в сложившейся ситуации — вовремя уйти, чтобы не стать зависимой или обузой.

Здравомыслие постепенно возвращалось к ней вместе с прикосновениями мягкого полотенца, которым Рафаэль промокал влагу на ее теле. Наверное, она должна была стесняться своей наготы. Во всяком случае, Лиза ждала этого ощущения, но оно не приходило. Неужели за одну ночь она совсем утратила стыд?

— Мне пора. Камилла, наверное, волнуется.

Он прижал ее к себе, коснулся губами макушки.

— Давай позавтракаем вместе.

Как ей этого хотелось! Но что потом?

Его жизнь — здесь. Ее дом, родные, интересы — за тысячи километров. Общего будущее — не для них, но еще несколько коротких ночей она может позволить себе побыть настоящей женщиной.

— Извини, но нет. Зато мы можем вместе поужинать. Лучше в номере, вдвоем.

Глаза Рафаэля вспыхнули, как угли.

— Ты хочешь этого?

— Ну...да.

На миг ее охватили сомнения. Не слишком ли она смела или навязчива? Вполне возможно, но он не дал ей развить мысль. Собственнический поцелуй опалил губы Лизы.

— Здесь? В твоем номере?

— Здесь очень красиво, и, наверное, очень дорого. Лучше у меня.

— Я прийду, даже если нетерпение убьет меня.

— Никак не могу понять, почему ты выбрала именно Анталию?

Голос Бориса звучал слегка презрительно. И недовольно. Ками никак не отреагировала на вопрос, и на тон бывшего любовника — тоже.

Теперь, когда непосредственная опасность миновала — стараниями Лизы все они оказались на пляже, Камилла даже слегка позлорадствовала по поводу того, что Борису приходилось довольствоваться не таким комфортом, к какому он привык. Лиза тоже внесла свою лепту в его мрачное настроение — отказалась перебираться в другой номер, за что Ками была ей особенно благодарна.

Вместо того чтобы слушать капризные разглагольствования Бориса, она предпочла бы искупаться. Или выпить чего-нибудь прохладительного. Сегодня было особенно душно. К тому же она не выспалась предыдущей ночью, и ее постоянно клонило в сон. Ками, видимо, таки задремала на мгновение, потому что вздрогнула, когда Борис решил продолжить свой допрос.

— Если ты не хотела в Ниццу, то я мог бы организовать поездку в Хорватию. У моего друга там есть очень приличный коттедж.

— Нам с Лизой и здесь неплохо.

— Ты убедила себя в этом.

— Возможно. Но я так решила.

Она встретила здесь Громова. Уже одно это стоило того, чтобы сюда приехать.

— Но, как твой будущий муж...

— Борис, сколько раз я должна повторить, что не выйду за тебя?

— Я уверен, что ты передумаешь. Тебе давно пора замуж. Извини, что напоминаю о твоём возрасте, но ты же умная женщина и сама понимаешь — детородный возраст и все такое.

Дети. Маленькие, симпатичные, светловолосые...

— Мой возраст пока терпит.

— Не обманывай себя. Возле тебя уже околачивается не так много мужчин, как прежде. Хотя... Неужели я что-то не знаю, и есть другой претендент?

Если бы это зависело только от нее, Ками тот час проорала бы «Есть!», но... Где носит этого Громова?

Камилла решила проигнорировать очередной вопрос Бориса.

— Подойдите к нам, будьте так любезны!

Она махнула рукой стройной загорелой девушке в белоснежной рубашке, шортах и кепке с козырьком, скрывающем лицо. Та разносила в сумке-холодильнике прохладительные напитки и предлагала их отдыхающим.

— Что желаете? — хриловатый голос брюнетки с заметным акцентом сразу привлек внимание Бориса. Девушка тут же улыбнулась улыбнулась, продемонстрировав зубы, которым даже Камилла могла позавидовать.

Она не ревновала. Мало того, Ками была готова предложить этим двум прогуляться где-нибудь подальше от нее и от пляжа. Да и от Турции тоже. Но вместо этого она попросила у темноволосой красавицы колу. Та, не переставая улыбаться, достала тут же запотевшую бутылку и открыла ее — немного неловко, повозившись с открывалкой, чем спровоцировала предложение Бориса помочь.

Камилла с удовольствием проглотила холодную жидкость и закрыла глаза, откинувшись на спинку шезлонга. Борис продолжал что-то бубнить ей на ухо, Лиза молча наслаждалась книгой, и в какой-то миг Ками поняла, что засыпает.

Решив, что спать на жарком солнце — последнее дело, она заставила себя подняться.

— Лизочек, я — в море. Поплаваю немного.

— Только не далеко.

— Ты же знаешь, я отлично плаваю.

— Камилла, ты меня удивляешь, — вклинился в разговор Борис, — лучше плавать в бассейне. Там надежнее.

— Где хочу, там и плаваю. И еще. Борис, ты мне надоел.

Она доплыла до буйка, когда начала понимать, что что-то не так. Движения ее рук и ног становились все медленнее, они словно вязли в воде и отказывались ей повиноваться. Несмотря на накатывающий волнами сон и странную усталость Ками умудрилась испугаться. Она обхватила руками буй и попыталась закричать. Ее голос еле звучал.

Борис сумел своими умозаклочениями достать и Лизу, поэтому она не сразу обратила внимание на то, что ее подруга почти лежит на буйке, периодически открывая рот и махая то одной, то другой свободной рукой. Это было очень странно. Камилла никогда не отдыхала перед возвращением на берег.

— Кажется, ей нужна помощь.

— Что? Кому?

— Камилле. Она ведет себя... необычно.

— Эта женщина всегда так себя ведет. Если бы не мои планы по отношению к ней...

— Ваши планы подождут. Плывите за ней.

— По-моему, она прекрасно выглядит.

— Плывите, говорю!

Лизе хотелось лично послать, куда подальше, этого пижона, но только после того как он спасет ее подругу. Та уже перестала махать руками. Казалось, она просто уснула на красном мяче.

— Не могу.

— Это еще что за заявочки?! А ну-ка быстренько прыгнули и погребли ручками раз-два, раз-два! А не то...

— Я не умею плавать. — Борис почти прошептал эти слова, будто признавался в страшной тайне.

— Черти бы вас взяли! Нельзя было сразу сказать?! Помогите, кто-нибудь!

Он никогда еще так не торопился.

Громов боялся думать, что могло произойти, если бы он не истязал себя наблюдением в подозрную трубу за этой парочкой, если бы развернулся и в гневе ушел напиваться или сломал эту чертову штуковину с линзами.

Тогда он точно не заметил бы, как Ками шаталась, когда заходила в воду, а движения ее казались слегка замедленными и даже неловкими, словно после бутылки спиртного. Но он отчетливо видел, что на пляже кроме колы она ничего не пила.

Что же произошло? Может, она перегрелась на солнце? Или заболела? Судороги? Или...

Нет. Сейчас у него нет времени думать обо всем этом, когда она одиноко лежит на красном буйке и даже не может позвать на помощь.

Чего этот прилизанный мужик ждет, почему не плывет за ней? Гоша еще спросит его об этом.

Господи, хоть бы успеть!

Где эти чертовы спасатели, которым Раф платит бешеные бабки за работу? Неужели они думают, что она просто прилегла отдохнуть?

Ками должна продержаться, пока он не снимет ее оттуда, обязана, иначе... Иначе он разнесет эту гостиницу к черту и будь, что будет.

Боже, прошу, береги ее!

Наверное, он поставил мировой рекорд по плаванию, но это было не важно. Все было не важно. Только она одна.

Его мышцы горели огнем, точно так же, как и легкие, когда он добрался до нее — скользкой и холодной с синеватым оттенком кожи. Камилла очень медленно сползала вниз, и только сплетенные пальцы рук под красным мячом еще удерживали ее над водой.

Гоша приложил дрожащую руку к сонной артерии на длинной шее и вздохнул с облегчением. Пульс был очень слабым и очень медленным. Но он *был!*

— Ками, любимая, очнись! — Он слегка похлопал ее по щекам, но она не реагировала. — Скажи хоть слово, пожалуйста!

Он понял, что сейчас не добьется от нее ни слова. Казалось, Камилла спит очень глубоким сном. Ничего, он разбудит ее. Нужно только добраться до берега, а ему не привыкать вытаскивать на берег тонущих.

Всю дорогу до пляжа она ни разу не пошевелилась. Это пугало, но Гоша не мог позволить себе впасть в отчаяние, во всяком случае, пока Ками нуждалась в нем.

На берегу их ждала толпа, возглавляемая Лизой, Рафом и медработниками с чемоданчиком и носилками. Здесь же топтались два накачанных спасателя. Возможно, парни и успели бы вытащить ее, но кто знает?

— Гоша, она жива?! Скажи, что она жива! — Он опустил девушку на носилки и поцеловал в губы. Они были холодными, но Громов ощутил легкий вздох и только тогда дал дорогу медработникам.

— Да. Во всяком случае, пока. — Лиза вскрикнула и прижала пальцы к губам. — Что случилось, перед тем, как она отправилась к буйку?

Громов долго наблюдал за происходящим на берегу, но ничего не слышал. К тому же в ярости он мог что-то и пропустить.

— Ничего такого. Все как всегда. Мы разговаривали. Ками пила колу. Потом решила поплавать. Может ты не в курсе, но она отлично плавает.

— Я в курсе.

С его рубашки и брюк стекала вода. Громов не успел раздеться перед тем, как бросился в воду. Он смотрел, как возле Камиллы копошатся мужчина и женщина в униформе, как измеряют давление, проверяют зрачки, слушают сердце, и думал о том, что сегодня мог потерять ее. Не

только на то время, когда она принадлежит другому мужчине или ездит по свету, демонстрируя прекрасное тело, а навсегда. Все это теперь казалось абсолютно незначительным, совершенно не стоящим возмущения и обиды. Ее жизнь, вот что было самым ценным.

— Молодой человек, я конечно признателен вам за спасение Камиллы, но, — он был рад, что знакомый Камиллы, все утро что-то шепчущий ей на ухо, сам подошел на расстояние вытянутой руки. Он ждал, когда тот закончит свою мысль, и был уверен, что получит шанс, которого уже давно ждал, — но вы тащили ее, как тряпичную куклу. Неужели нельзя делать это как-то... деликатнее?

Кулак Гоши попал мужчине точно в ямку на подбородке. Тот крикнул и упал на песок — жаль, что не на бетон. Громов решил, что этого мало и сделал шаг в сторону стонущего противника. Он уже поднял руку, но его остановил Рафаэль.

— Оставь его. Он лишь жалкий трус. Камиллу везут в больницу. Поедешь?

— Да, конечно.

Он должен быть рядом. Громов не сомневался, что не выдержит неизвестности.

Мелина наблюдала за суетой на пляже в бинокль с безопасного расстояния и тихонько чертыхалась. Она не собиралась топить соперницу, это могло плохо отразиться на бизнесе брата. Мелина лишь хотела, чтобы та уснула, получила что-то вроде ожогов или солнечного удара и очутилась в больнице — недовольная и некрасивая. Так нет, эту красавицу понесло в море!

Но ее разозлило даже не это. Мелина неожиданно поняла, что подсыпала порошок не той женщине. Рафаэль не падал перед пострадавшей на колени, не целовал ее и не сел вместе с ней в машину неотложки. Всем этим занимался его друг.

А Раф в это время успокаивал блондинку — маленькую толстушку с блеклыми волосами. Какой ужас!

Лиза порывалась ехать вместе с Камиллой и бригадой медиков, но Рафаэль удержал ее, пообещав доставить на своей машине. Она пыталась отказаться, смущенно бормоча, что не хочет злоупотреблять его добротой, особенно после того, что между ними произошло, но Рафаэлю удалось убедить ее. Он не решился объяснить девушке, что едет в больницу не только из-за нее. В этот момент он, как никогда прежде, сожалел о том, что соврал ей.

Лиза была расстроена, растеряна, выглядела несчастной и одновременно очень красивой. Он беспокоился о ней, почти так же сильно, как о Камилле. Подруги приехали отдохнуть, а тут такая неприятная история. И все это произошло в его гостинице!

Рафаэль уже отдал указания охране расследовать из ряда вон выходящее дело, пока врачи еще не дали медицинского заключения. Он согласился с мнением Громова и Лизы — бессознательное состояние Камиллы не случайность.

Раф пока не знал, какую роль в этой истории играл знакомый Камиллы, собираясь выяснить это у Лизы по дороге к больнице. Он ожидал, что тот последует за ними, но вместо этого мужчина стал выкрикивать на весь пляж, что обязательно напишет о гостинице разгромную

статью и еще что-то в таком же духе. Раф лишь кивнул появившемуся в толпе Клио, оставляя на него скандалиста.

Все это могло подождать. Сейчас главное — здоровье Камиллы. И, конечно же, Лиза. Эта девушка занимала все больше места в его мыслях и жизни.

В длинном больничном коридоре, выложенном светлой плиткой, они втроем ожидали вестей от врачей. Он усадил Лизу на диванчик у стены и обнял за подрагивающие от беспокойства плечи. Громов угрюмо мерил шагами коридор, отмахиваясь от его предложения присесть.

Прошел целый час, прежде чем к ним вышел худощавый врач в очках с круглыми линзами и монотонным голосом сообщил, что больная предположительно находится под воздействием сильнодействующего снотворного.

Рафаэль попросил говорить его медленнее, поскольку единственный владел местным языком и был переводчиком для своих друзей. Врач лишь кивнул и устало продолжил, что показатели сердечной и дыхательной системы пациентки в норме, у нее взята кровь для исследования, и, если есть желание, кто-то один может постоянно находиться рядом с ней.

Наверное, Лизе взгляд Гоши тоже показался умоляющим, потому что она предложила дежурить возле Камиллы по очереди. Рафаэль подождал вместе с ней в коридоре, пока Громов убедился, что Камилла действительно спит, и вышел из палаты. Он видел, что мышцы на лице друга слегка расслабились, и пожал ему руку, чтобы поддержать. И тотчас поймал удивленный взгляд Лизы — он совсем забыл, что она не знает о их с Гошей дружбе.

Может сделать это сейчас — рассказать ей все, покаяться? Нет. Лиза слишком расстроена. У него еще будет время.

Рафаэль проводил ее в палату, несколько минут понаблюдал за показателями монитора, слегка улыбнулся в ответ на нежный и благодарный взгляд девушки. Что-то защемило в его груди. Он порывисто поцеловал Лизу в лоб и вышел.

Раф заметил Громова у автомата с кофе и махнул ему на прощанье рукой. Полный уверенности, что Громов справится с ситуацией в больнице, он побежал к автостоянке.

В вестибюле его поджидал Клио. Рафаэль пожал ему руку и сообщил, что вначале должен поговорить с начальником охраны. Короткое «позже» заставило его без комментариев отправиться вслед за другом и компаньоном в его сениор сьют.

Не успел Клио открыть дверь номера, как оттуда донесся оглушающий визг.

— Ты мне за это ответишь!

На пороге комнаты стояла Мелина с большой вазой в руках. Она тут же запустила ею в вошедших. Та раскололась у ног Клио на несколько белоснежных осколков.

— Она для тебя тяжеловата. Нужно было взять что-то поменьше.

Хотя Клио говорил подозрительно спокойно, в его голосе чувствовались стальные нотки. Но Мелину это никогда не останавливало.

— Так и сделаю, можешь не сомневаться. Каин!

— Несколько преждевременно, тебе не кажется сестренка? У меня пока не было таких намерений, но ведь ты и праведника доведешь.

Рафаэль сделал попытку обойти спорщиков, но Мелина прижала его к стене грудью.

— Дай мне свой мобильный телефон.

— Папочка оставил тебя без содержания? Нечем пополнить счет?

— Сейчас тебе будет не до смеха, шутник! — У него заложило уши от ее истеричного крика. — Этот негодник отобрал у меня телефон и закрыл здесь совсем одну!

— Значит, для этого есть причины.

Рафаэль осторожно выскользнул из ловушки и отошел к окну. Он не хотел присутствовать при семейный разборках, но раз Клио привел его сюда, значит это необходимо.

— Не может быть причин, чтобы держать сестру в этом... этой тюрьме. — Мелина плюхнулась в кресло и зло продолжила. — Когда отец узнает, он лишит тебя наследства.

— А тебя выдаст замуж.

Терпение Рафаэля подошло к концу.

— Вы потом закончите разговор. А сейчас у меня есть более важные дела, чем слушать все это. Я должен узнать, кто подсыпал Камилле снотворное.

— Какое цветочное имечко! Не думала, что у Громова настолько плохой вкус!

— Помолчи, Мелина. — Клио стал за спинкой кресла, в котором сидела сестра. — Не нужно никого искать. Это ее работа.

— Что?

— Это еще нужно доказать! — Мелина предприняла попытку подняться, но брат удержал ее за плечи.

— Охранник и два спасателя видели ее на пляже с холодильником в руках. Моя сестра предлагала прохладительные напитки отдыхающим.

— Всего лишь благотворительная акция.

Рафаэль в недоумении присел на диван.

— Зачем ты напоила Камиллу снотворным? Чего ты хотела этим добиться? Испортить мне бизнес? Но эта гостиница принадлежит не только мне, но и твоему брату. Или тебе Громов чем-то не угодил? Отказал?

Мелина витиевато выругалась.

— Бизнес! Будто кроме него больше ничего не существует.

— Значит, отказал.

Девушка отвернулась к окну и молчала.

— Отказал. — Клио продолжал держать сестру за плечи. Он знал, что делал. У женщины был такой вид, будто она вот-вот вцепится Рафу в горло. — но не Громов, а ты.

— Но...

— Она подумала, что ты ухаживаешь за Камиллой.

— Черт!

Значит, это он виноват. Из-за него Мелина принялась мстить. А если бы на месте Ками оказалась Лиза?

Он выпрямился и обратился к Клио, немного резко, но сейчас было не до сантиментов:

— Если ты не выставишь ее отсюда, то этим займусь я.

— Вы не можете меня... насильно...

Глаза Мелины метали молнии, но Рафа это мало трогало.

— Еще как могу. Так что, Клио?

— Сейчас закажу билет на вечерний рейс.

— Хорошо. А что с тем скандальным мужчиной?

— Им занимается Акгул.

— Прекрасно. Надеюсь, он передумает жаловаться.

— Все как всегда! Мужчине — массажистка, женщине — ссылка! Я никуда не поеду.

— Лично отвезешь ее в аэропорт.

— Обязательно.

Неужели она напилась? Ужасно болела голова, и не хотелось открывать глаза.

Тяжелое похмелье после двух выпускных — в школе и университете — Камилла помнила слишком хорошо. Но и предшествующий им вечер тоже.

Что же она делала вчера?

Ками заставила себя поднять тяжелые веки и уперлась взглядом в белую стену.

В ее квартире нет таких безликих перегородок. Стоп.

Она же на курорте! А в ее номере напротив кровати висит акварель.

Неужели Борис притащил ее к себе? Пьяную?! Нет!

Если это произошло, то она больше никогда не возьмет в рот спиртное.

Камилла осторожно скосила глаза в сторону. Пикающий монитор, стойка для капельницы, дремлющая на стуле Лиза.

— Что я делаю в больнице?

— Слава Богу, ты проснулась! — Елизавета засуетилась, поправляя простыню, подкладывая под спину еще одну подушку, поднося ко рту стакан с минералкой. — Врачи думали, что это произойдет только завтра. Как ты себя чувствуешь?

— Словно выпила бочку пива.

— Только колу. И, возможно, нахлебалась морской воды.

— Я тонула?

— Почти.

— Это как?

— Ты уснула на буйке.

— Я... что сделала?

— Уснула. Сейчас все расскажу, только сообщу врачу и Гоше, что ты проснулась.

— Громов тут при чем? Он здесь?

— Ага. Это он вытащил тебя на берег.

— Погоди! Гребень есть?

Но Лиза уже исчезла за дверью, а вместо нее в палате появился Гоша. Он остановился у кровати, засунул руки в карманы и мрачно разглядывал ее. Молча.

Она, наверное, похожа на кикимору. А он...

— Ты работаешь спасателем?

— Иногда.

— А в остальное время?

— Ну...

— Можешь не отвечать. Это не важно.

Что она говорит? Все не то. Как подобрать слова, чтобы выразить ее чувства к этому мужчине.

— А что важно? — он помолчал, а затем продолжил. — Кроме того, что ты жива.

— Я... — Ками проглотила комок в горле. — Я люблю тебя, Громов.

Он сделал всего шаг, оторвал ее голову от подушки и поцеловал. Ками показалось, что она попала в рай, забыв о головной боли, больнице, Борисе — обо всем, кроме Гоши. Она не отпустит его, даже если он работает дворником.

Он оторвался от ее губ лишь на миг, чтобы вдохнуть и проворчать:

— Давно пора.

В этот раз она начала целовать его первой. Гоша присел рядом. Когда его губы переместились на ее шею, она смущенно пробормотала:

— У тебя случайно нет с собой расчески?

— Забудь.

Наверное, он прав.

— Спасибо, что спас меня.

— У меня не было выбора.

Камилла отстранилась.

— Почему?

— Я не могу жить без тебя.

Ради таких слов стоило уснуть на буйке.

— Ками, нельзя из больницы сразу же отправляться в тренажерный зал.

— По-твоему я должна лежать в номере и смотреть в потолок?

— Можно отдыхать в шезлонге у моря.

— Я хочу в спортзал. Мне нужно размяться. Спать слишком долго — вредно.

Утром, сразу после выписки их уже ждал автомобиль, предоставленный администрацией гостиницы. А в холле подруг и Громова встретил сам владелец — привлекательный брюнет. С симпатичным акцентом он извинился за неприятности, выпавшие на долю Камиллы, и предложил им бонус — пребывание на курорте любое количество времени.

Ками в ответ лишь хмыкнула и сообщила, что обязательно этим воспользуется. Лиза с улыбкой наблюдала за тем, как подруга поворачивается спиной к красивому мужчине, при всем честном народе целует Гошу в губы, приказывает ему хорошенечко отдохнуть и величественно плывет по холлу.

Она поспешила за ней, довольная тем, что Камилла окончательно пришла в себя, но не могла не возмутиться, когда сразу после душа и перетряхивания гардероба, Ками решила отправиться в тренажерный зал.

— Дорогая, будь благоразумной. Физические нагрузки...

— Не зуди. Я прячусь от Бориса.

— Можно прятаться в другом месте.

— Этот репортеришка меня везде найдет, если захочет. Но в тренажерный зал он не пойдет.

Борис качает мышцы только с личным инструктором.

Лиза тоскливо перебирала ногами на беговой дорожке в углу зала, когда к ней подошла Камилла.

— Посмотри-ка на красотку в синей юбчонке и белобрысом парике.

— А может это не парик. Волосы выглядят вполне естественно.

— Не спорь с профессионалом. Это парик. Она тебе никого не напоминает?

— А должна?

В это мгновение женщина в синей юбке оглянулась, и Ками спряталась за Лизу.

— Это она. Я уверена.

— Кто она? И что за игры в прятки?

— Официантка, которая мне колу подсунула.

— А если это не она?

— Значит, сегодня не ее день. Тебе аптечку мама собирала?

— Мама. А тебе зачем? Плохо себя чувствуешь?

— Все в порядке, но скоро будет еще лучше. Я на пару минут отлучусь, а ты особо не высывайся. Когда официантка пойдет в душ, маякни мне на мобильный.

— Ты что задумала?

— Не беспокойся. Травить никого не буду.

Лиза уже решила, что женщина в парике никогда не перестанет крутить педали. Она сама с непривычки давно выбилась из сил, когда предполагаемая официантка соскочила с велосипеда и устремилась в сторону душа.

Елизавета чуть телефон не уронила, нажимая кнопку вызова. Оставалось ждать результата.

Где же Ками? И почему она позволила подруге втянуть себя в... неизвестно что? Совсем ощущение реальности потеряла.

Все ее самобичевания прекратились вместе с женским криком. Почти одновременно с ним к Лизе совершенно спокойной походкой подплыла Камилла. Она улыбалась — загадочно и удовлетворенно.

— Смываемся.

— Но что...

— Потом полюбишься.

Лиза не сумела сдержать смех. Не могла и все тут.

Разъяренная женщина во всевозможных оттенках зеленого влетела на площадку у бассейна, куда они с Камиллой отправились после тренажерного зала.

— Что это с ней? Очень знакомый цвет.

Лиза давилась смехом.

— Ничего особенного. Зеленка случайно попала в гель для душа. Зато он стал дезинфицирующим.

— Думаешь, она в этом нуждалась? Бедная женщина!

— Если ты забыла, эта бедняжка накачала меня снотворным, — Камилла упорно делала вид, что ничего особенного не происходит, но зеленая фурия неумолимо приближалась. — Кажется, в этот раз мы не успеем удрать.

— Боюсь, нам сейчас здорово попадет.

— За удовольствие нужно платить. Одно утешает — синяя юбка совсем не идет к новому облику негодяйки. Хотя, Шрек, возможно, и обернулся бы в ее сторону. Один раз. Кстати, она потеряла свой парик.

— Зато нашла двух охранников. Что будем делать?

— Отдыхать, что еще остается.

Ками откинулась на спинку шезлонга и закрыла глаза.

— Хм. Это вряд ли.

Налетевшая, как ураган, женщина ткнула указательным пальцем в Лизу.

— Ее, — подумала мгновение и указала на Камиллу. — Нет, эту. Забирайте.

Ками открыла глаза, мгновение смотрела на палец, приподняла брови и лениво спросила:

— Что-то случилось? А где ваш холодильник?

— Молчать!

Женщина умудрилась покраснеть от ярости, несмотря на зеленый цвет лица.

— С какой стати вы закрываете мне рот? — Казалось, Ками не замечает, что вокруг них начали собираться любопытные. Охранники переводили взгляд с одной женщины на другую, не решаясь что-то предпринять. — Кстати, зачем вы пытались меня отравить? Зависть? Мечь? В чем причина?

— Зависть?! Да я красивее тебя! — Кто-то хихикнул в толпе, и женщина завопила: — Благодарю свою бледную тень. Все из-за нее!

Она в очередной раз ткнула пальцем в Лизу.

— Погодите. Я то здесь причем?

Елизавете перехотелось смеяться. Женщина в синей юбке открыла рот, чтобы ответить, когда в их узкий кружок протиснулись владелец гостиницы и... Рафаэль? Почему он здесь?

Они не виделись со вчерашнего дня, и Лиза неосознанно потянулась к нему. Лишь на миг, вдруг осознав, что вокруг слишком много свидетелей, и с каждой минутой становится все больше.

Бросив на нее короткий взгляд, Рафаэль подошел к незнакомке. Владелец гостиницы и женщина, активно жестикулируя, о чем-то спорили. Она не понимала ни слова, но заметила, что эти двое очень похожи. Неужели они выкрасили зеленкой сестру хозяина отеля? А Рафаэль? По какому праву официант принимает участие в этом эмоциональном разговоре?

Ее размышления прервала «зеленая» красавица, громко выплюнувшая в ее сторону какое-то словцо. Видимо, это было ругательство, и Раф тут же жестко схватил женщину за запястье. Очень странное поведение. Если только...

— Кто эта женщина, Рафаэль?

Лиза поднялась, чтобы быть немного выше, но ей было далеко до модельного роста брюнетки. Раф нахмурился и промолчал.

— Скажи ей!

— Мы с ней сами разберемся. Не вмешивайся, Мелина.

Мелина.

— Тогда я сама представляюсь. Я его невеста.

Невеста.

— Ложь. Слышишь, Лиза? Это вранье!

— А то, что я твоя любовница, тоже ложь?

Любовница.

— Бывшая.

— Два дня назад — не слишком давний срок. Разве нет?

Лиза развернулась и пошла вдоль бассейна. Толпа молча расступилась перед ней. Она слышала, как продолжается спор, как ее окликает Раф, как пытается в чем-то убедить идущая рядом Камилла, но ничего не чувствовала. Лизе казалось, что все это происходит не с ней.

Наконец Раф догнал ее, повернул к себе лицом и торопливо зашептал:

— Лизонька, милая, поверь, все не так ужасно!

Она смотрела на стоящего перед ней мужчину, слушала его и ничего не понимала. Лиза дождалась, когда у Рафаэля закончились слова, и удивительно спокойно спросила:

— Это было извинение? Не стоит. Тебе хотелось переспать с кем-то непохожим на твою невесту. — Рафаэль поморщился, но не протестовал. Лиза подождала мгновение и продолжила. — Я мечтала ощутить себя желанной женщиной. Каждый из нас получил то, к чему стремился. Осталось лишь пожелать друг другу счастья и разойтись. Мой отпуск закончился.

— Нет, так нельзя. Мы должны поговорить. — Кто-то окликнул Рафаэля по имени, он обернулся и кивнул. — Через пол часа я буду в твоём номере.

Он отошел на несколько шагов, когда Лиза спросила его то, что не давало ей покоя.

— Рафаэль, ты — официант?

Он мог не отвечать — его лицо сказало за него правду. Красивое властное, аристократическое лицо. Раф лишь подтвердил ее подозрение.

— Это моя гостиница.

Не думая, не глядя по сторонам, не слушая советов Камиллы, Лиза наконец-то добралась до своего номера. Долго не раздумывая, она тотчас принялась бросать в чемодан свои вещи.

— Ты что надумала? Улетаешь? Прямо сейчас?

— Ками, извини, но у меня нет сил разговаривать и только полчаса на сборы.

— Лизочек, не делай этого. Подожди, поговори с ним. Мне почему-то кажется, что все совсем не так, как разрисовала эта зеленая выдра. Ну, не совсем так.

Возможно, но ей не хотелось это обсуждать, ни с Камиллой, ни с Рафаэлем. Единственное, о чем она сейчас мечтала, это оказаться дома, в своем любимом кресле, укрыться пледом, связанным мамиными руками и вволю поплакать.

— Не хочу ждать.

Лиза отправилась в ванную комнату за зубной щеткой. Камилла следовала за ней по пятам.

— Тогда я лечу с тобой.

— Не стоит, Ками. Оставайся. Громов остается. Я не могу требовать от тебя такой жертвы.

— Нет уж. Ты — моя подруга. Именно я соблазнила тебя этой поездкой. Вместе приехали, вместе и вернемся. Кстати о Громе. Я сейчас вернусь. Собери и мои вещи тоже.

— У тебя только полчаса, а потом я сажусь в такси. Буду ждать тебя на стоянке.

— Успею.

Уверенность Ками ощутимо уменьшилась, когда Гоша открыл ей дверь. Обнаженный до пояса и взъерошенный со сна, он выглядел очень — до неприличия привлекательно.

Как она проживет без него хотя бы день?

— У нас мало времени, — она прижалась к нему, впиваясь поцелуем в губы.

Громов обнял ее и внес в номер, захлопнув ногой дверь. Он прислонил Камиллу к стене и прошептал в губы:

— Сколько?

— Полчаса. Нет, уже двадцать пять минут.

— Ничего. Нам не впервой. Лежа?

— Долго. Стоя.

Она лишь успевала вскрикивать, пока он стягивал трусики, и забрасывал ее ноги себе за спину.

Полотенце, скрывающее его мужественность, давно отправилось на пол. Он заполнил ее собой стремительно и глубоко, полностью соединяясь с ней на каком-то высшем уровне, не поддающемся объяснению и пониманию. Разбираться с этим Ками было некогда. Да и зачем? Она приняла его со страстью, граничившей с самоотречением.

Гоша устроил ее в руках удобнее, еще шире раздвинул Ками бедра, прижал к стене и начал двигаться с космической скоростью. Во всяком случае, Ками так показалось, потому что для нее развязка наступила рекордно быстро, да и Громов отстал от нее всего на несколько секунд.

Еще несколько минут они пытались отдышаться, а затем Громов уперся лбом в ее лоб и спокойно сообщил:

— Я забыл про резинку.

— Ерунда! У нас есть более важное дело, — Гоша лишь улыбнулся в ответ. — Надевай штаны. Нужно торопиться. Не забудь захватить бумажник.

На стоянке такси их ждала Лиза, нетерпеливо постукивая по распеченному солнцем асфальту босоножкой.

— Вы опоздали на три минуты.

— Девчонки, это побег? Я что-то проспал?

Громов нахмурился и оглянулся по сторонам.

— Дорогой, выбирай — либо ты нас сопровождаешь до аэропорта, либо мы едем туда сами.

Гоша потер ладонью шею и повернулся к Лизе.

— А Рафаэль знает?

— Я догадывалась, что вы знакомы, — она села на заднее сидение такси. — Вещи уже в багажнике.

Ками пожала плечами, вздохнула и устроилась рядом с подругой.

— Так ты с нами или нет?

Недовольно крикнув, Гоша сел рядом с водителем.

— А билеты?

— Пока вы... прощались, я позвонила в аэропорт и договорилась. Билеты для нас забронированы.

До аэродрома они добирались молча. Громов иногда дергал головой, будто вел сам с собой внутренний спор. Лиза забилась в угол салона и смотрела в окно непроницаемым взглядом. А Камилла...

Не трудно догадаться, о чем думала она. Конечно о Громове, их последнем свидании и забытой резинке. А что, если... Как бы она этого хотела. При любом раскладе.

Он впервые в жизни видел своего капитана в таком состоянии. Вначале Рафаэль орал на него, потом схватил за футболку и пытался трясти, правда, без особого успеха. Когда же понял, что ни первое, ни второе не заставит Гошу говорить, он начал тиранить спинку дивана.

— Жаль.

— Что? Теперь ты меня пожалел?

— Диван жаль. Дорогой.

— К черту — и диван, и тебя, предатель!

— Поосторожнее в выражениях, капитан. Ты хотел, чтобы девчонки сами уехали, а мы потом гадали — где они, что с ними?

Раф плюхнулся на диван и взлохматил волосы.

Что тут скажешь? Гоша его действительно пожалел, но мужчины не говорят об этом друг другу. Он тоже расстроился, что Камилла улетела, но она хотя бы обещала ему подумать о совместной жизни. Да, сложно все.

Он достал из бара водку, налил в два стакана, отнес одну Рафаэлю. Тот несколько секунд не двигался с места, а затем взял стакан, опрокинул в рот залпом.

— Почему она не дождалась? Я же просил!

— Ну, женщины — они странные.

Они помолчали несколько минут. Гоша снова разлил водку.

— Лиза... Она что-то говорила... обо мне.

— Нет.

— А что собирается делать?

— Нет.

— Может...

— Она молчала, Раф. Всю дорогу. Во время посадки на самолет тоже. — Он поймал мрачный взгляд друга. — И ничего не просила тебе передать. Извини.

— Мелина. Она виновата. Эта баба долетела до Афин, купила парик, вернулась назад и напакостила, как... — Раф поднялся, подошел к окну и так стоял некоторое время, засунув руки в карманы, затем заговорил, тихо и как-то устало. — Да что там, сам во всем виноват. На месте Мелины могла быть другая. Слишком много соблазнов, ошибок, Мелин. Но Лиза — она особенная. Почему я ей сразу не признался? Ну, соврал, с кем не бывает? Но ведь потом мог и сознаться? Как думаешь, Громов?

— Я? — Что тут скажешь? Кажется, его друг тоже влюблен — возможно, впервые в жизни. — Ну если ты спросил... Думаю, что тебе нужно придумать что-то необычное, чтобы она тебя простила.

— Ты имел в виду — полюбила?

— Хмм. Как думаешь, почему она уехала? Здесь Лизе пообещали бесплатный и бессрочный отдых. Кто откажется от такого, если только не влюбленная женщина.

— Обиженная женщина.

— Вот, ты уже начинаешь мыслить в правильном направлении.

— А ты не много себе позволяешь, Громов? Как разговариваешь со старшим по званию?

— Есть молчать! По стойке «смирно» становиться?

— Можешь сидеть. Так что ты там зудел о правильном направлении?

— К чему бы ей обижаться? Отдохнула, пообщалась с настоящим мужчиной. Или не пообщалась?

— Проехали.

— Как скажешь. Я конечно, в этих делах не профи, но, думаю, ревность в этом побеге сыграла не последнюю роль. Хотя, с этими писательницами ни в чем нельзя быть уверенным. Для них на первом месте — чувства, а на втором...

— Ты гений, Громов! Адрес узнал?

— Обижаешь. Поедешь?

Лиза очень удивилась, когда поняла, что наступил декабрь. Необычно теплые дни для этого времени года вводили в заблуждение всех, заставляя забыть, что скоро Новый год.

Совсем недавно природа радовалась лету, пробуждая жаркие мысли. Теперь ей казалось, что все это было не с ней — море, звезды, пляж, красивый мужчина...

Он исчез из ее жизни точно так же, как и появился — неожиданно. Глупо было ожидать, что он помчится за ней вдогонку, станет молить о любви и прощении. Но она — лишь романтическая сочинительница женских сказок, поэтому мечтала обо всем этом, не сожалея ни об одной минуте, поведенной в мужских объятиях. Теперь не сожалела.

Первый месяц после возвращения она закрылась в своей квартирке и выключила все телефоны. Ей не хотелось никого ни видеть, ни слышать. Она почти ничего не ела и даже не сочиняла, чем очень напугала маму. Отчаявшаяся женщина извела телефонными звонками Камиллу, снимавшуюся для «Marie Claire» в Америке.

Она смогла приехать только после окончания контракта. Ей удалось прорваться в комнату к подруге. С помощью угроз. Лиза не могла не впустить беременную подругу.

Сияющий вид Ками, как ни странно, не вызвал у Лизы привычный поток слез. Она так обрадовалась счастью подруги и настолько возмутилась ее напряженным графиком, что тут же забыла о собственном горе. Спустя несколько часов бесконечных разговоров Лиза уже не считала свой отпуск несчастным случаем. Она жалела только об одном — что у нее не будет ребенка от любимого мужчины. Пусть он никогда и не узнал бы об этом.

Ками пыталась говорить с ней о Рафаэле, но Лиза отказалась. Зачем? У него есть невеста, или кто-то еще. Он — из другого мира и ей не пара.

Совсем другое дело — Громов. Они с Камиллой обвенчались в церкви. Скромная церемония прошла без гостей и прессы. Капризная фотомодель сообщила мужу, что согласиться на регистрацию их брака лишь тогда, когда уже не сможет сниматься. Только после венчания Камилла удосужилась узнать у мужа, есть ли у него профессия. Она, видите ли, не хотела, чтобы он считал ее корыстной. Громов сообщил жене, что она может тратить свои деньги на булавки, его заработка хватит для безбедной жизни их семьи.

Ками уговорила Лизу сопровождать ее и Громова к его маме. Она боялась не понравиться своей свекрови. Симпатичная женщина не только узнала Камиллу, но и расцеловала ее в обе щеки, а затем тайком от сына показала ей заветную папку с фотографиями Камиллы, чем до слез растрогала ее и Лизу.

Ей оставалось только надеяться на то, что в жизни ей повезет так же, как близкой подруге.

Взбалмошная беременная Камилла, ее семейное счастье или что-то еще, не важно что, так повлияло на Лизу, что она написала целый цикл новых сказок, естественно восточных. Она трудилась день за днем, погружившись в волшебный мир, отгородившись от всех, пока не отправила черновик своему редактору. Только теперь, ожидая ответа, она заметила, что пришла зима.

— Лиза, у меня для вас чудесная новость!

Наконец-то! Она уже начала беспокоиться, что ее новая книга оказалась неинтересной, возможно даже скучной, по сравнению с предыдущими. Ее терпение почти закончилось, и Елизавета уже собиралась забрать сказки из редакции. А тут такой звонок!

— Слушаю очень внимательно, Елена Николаевна.

— Я предпочла бы говорить не по телефону. Он как-то обезличивает беседу. Давайте где-нибудь встретимся.

Маленькое литературное кафе показалось Лизе вполне подходящим. Располагалось оно рядом с редакцией в доме довоенной постройки. Посетителей там, к счастью, оказалось совсем немного, как для полудня, и им удалось устроиться за столиком для двоих у окна. Пока редактор с загадочным видом доставала из кожаного портфеля какие-то бумаги, Лиза

смотрела на улицу и боялась вспугнуть радость ожидания.

За стеклом пролетали первые в этом году снежинки. Мальчик в комбинезоне с опушкой и свисающих на резинках варежках пытался ловить ртом маленькие белые звездочки. Молодая женщина подхватила малыша на руки и усадила его в коляску, тот немного покапризничал, но очень скоро сообразил, что может продолжить занимательную охоту и «в плену». Тогда мама закрыла ему пол лица ярким теплым шарфом, чем вызвала явное недовольство маленького исследователя. Женщине пришлось спасаться бегством вместе с коляской под недовольный детский крик, привлекая внимание прохожих.

Наверное, примерно в это же время через год сын или дочь Ками и Громова тоже сможет поиграть со своим первым в жизни снегом. Интересное положение Камиллы уже стало заметным для всех, и ей пришлось оставить работу фотомодели. Возможно, она никогда больше не сможет позировать, но это не особенно беспокоило ее бойкую подругу. В последнее время она занималась ремонтом в только что приобретенной большой квартире и лишь смеялась в ответ на едкие замечания Бориса по поводу ее фигуры. Он вернулся из Анталии на целую неделю позже их, и каждый раз при встрече ругал гостиницу и ее владельцев, но к счастью, только на словах. В журнале об этом не было написано ни слова, но Ками все равно продала свою часть бизнеса Борису, чтобы тот не ныл и, наконец, оставил ее в покое. Сейчас она носилась по магазинам и лично выбирала обои для детской. Громов приезжал так часто, как только ему позволяла его работа. Он звал жену в Грецию, где купил очаровательный коттедж на берегу моря, но Камилла решила сначала закончить ремонт здесь, чтобы потом курсировать между двумя домами, как того требовал ее неусидчивый характер.

— Вы меня слышали, Лизонька? Кажется, ваши мысли где-то далеко, за тридевять земель, где живут ваши сказочные герои.

— Вы почти угадали. Извините. Я — одно большое, нетерпеливое внимание.

— Скажу вам, голубушка, что нетерпение ваше оправдано.

— Интригуете, Елена Николаевна?

— Не без этого. Уверена, что вы меня простите, как только узнаете, — седовласая миниатюрная женщина подмигнула ей с юным озорством в глазах. — Вашу книгу хочет купить одно небольшое издательство в Чехии.

— Чехии? Я не знакома ни с одним чехом.

— Зато они каким-то образом о вас узнали. Хотя, чему удивляться, эта «паутина» доберется куда угодно. Кажется, представитель издательства говорил о каком-то нашем соотечественнике, упорно продвигающем эту идею. В общем, им очень понравились ваши сказки, и они планируют их напечатать. Возможно, даже Рождеству. Если только вы согласны. Так как?

Как?!

— Еленочка Николаевна, и вы еще спрашиваете? Конечно, я согласна! Другой такой возможности может больше не представиться. Надеюсь, у них хороший переводчик. И иллюстратор.

— Детка, не беспокойтесь. Я все разузнала — это старое, надежное издательство. Они сделают все, как положено.

Все оказалось гораздо лучше, чем положено. Когда ей прислали экземпляр для ознакомления, Лиза с благоговением открыла первую страничку красочного издания. Оно было на двух языках. Качественная бумага и печать, закладка из кожи — ей понравилось все, особенно иллюстрации. Лиза закрыла книгу и обратила внимание на обложку. Море, песчаный берег, звезды и пара влюбленных. Художник будто подсматривал за их свиданиями с Рафаэлем.

Лиза вдруг загрустила. Теперь, спустя несколько месяцев, ей хотелось узнать о нем хоть что-то, но Елизавета не решилась расспрашивать Гошу. Ведь совсем недавно, подавленная и несчастная, она отказывалась разговаривать на эту тему. Теперь Лиза сомневалась в том, что поступила правильно. Он все еще нравился ей. Очень. Слишком. Но Раф не приезжал и даже не звонил, значит, для него их недолгие отношения оказались не так уж важны.

— Ты как? — Громов тяжело дышал ей в шею. — Может уже пора...

— Не пора. Мой живот пока нам не мешает, во всяком случае, когда мы делаем это стоя.

— Неугомонная женщина.

Гоша приласкал ее ягодицы и опустил вниз подол легкомысленного, просторного наряда лимонного цвета, прозванного Камиллой «почти» вечерним платьем. Она повернулась к Гоше лицом и оперлась на стол, за который перед этим держалась. Ками подняла кверху лицо и ухмыльнулась.

— Ты чем-то недоволен, дорогой?

— Боже упаси! Я каждый день благодарю судьбу за это и многое другое.

Гоша погладил большими ладонями ее живот и поцеловал — сначала его, а потом Камиллу. Она позволила себе насладиться легкими касаниями нежных губ, а затем ответила на поцелуй.

— Ты ужасный романтик, Громов. Где-то в глубине души. Не заметил, куда я бросила свою сумочку?

Клатч отыскался на полу у порога кладовой, на которую они случайно наткнулись в поисках уединения. Вытащив зеркальце, в тусклом свете единственной лампочки Ками быстро поправила макияж и кудри, уложенные в заранее продуманном беспорядке.

— Я думал, что это невозможно.

— Что? Экстремальный секс на пятом месяце беременности?

Громов тихонько рассмеялся и снова поцеловал ее. Ей вновь придется наносить помаду, но это мелочи по сравнению с той радостью, которую дарит ей этот мужчина.

— С каждым днем ты становишься все краше.

— Лъстец!

— Я?

— Ладно — ладно! — Камилла поправила на нем галстук и чмокнула в подбородок. — Я знаю — ты всегда говоришь только правду. Тем более что я и сама так думаю. — Она поднесла к глазам большие, почти мужские часы. — Эй, мы опаздываем! Я обещала Лизе быть рядом во время

всей этой кутерьмы вокруг ее книги.

Подруга называется! Оставила ее в незнакомом месте, среди чужих людей, болтающих на незнакомом языке, а сама... Нет, здесь, пожалуй, нет подходящего места для любимых занятий этой парочки.

Лиза беспокойно теребила единственную пуговицу на белом шелковом коротком пиджаке, одетом поверх синего узкого платья, специально сшитого ради этого важного события. Она поправила локон, выбившийся из высоко уложенного узла, и переступила с ноги на ногу.

Елизавета чувствовала себя неуютно не только из-за десятисантиметровых каблучков, на которые становилась очень редко, но и потому, что все эти люди вокруг, в основном, конечно же, женщины, собрались здесь поговорить о ее новой книге.

Сегодняшнее волнение Лизы можно сравнить только с ее первой настоящей близостью с мужчиной. Только тогда у нее так же перехватывало дыхание и колотилось сердце. Но Принц остался в прошлом, а первая изданная за границей книга ждала своих читательниц на стеллажах старинного книжного магазинчика. Лизе до сих пор не верилось, что это реальность. Она еще раз ущипнула себя за руку.

Стоя возле маленького столика, отгороженная пространством и незнанием чешского языка, она, тем не менее, чувствовала ответственность за свое творчество. То, что все эти люди пришли сюда, когда могли потратить личное время где-нибудь в другом месте, свидетельствовало о многом, но, тем не менее, Лизе хотелось, чтобы мероприятие наконец-то закончилось.

К ней подошла организатор промоакции — симпатичная худощавая женщина в очках и сером костюме. Она на английском языке сообщила, что сейчас все начнется, но Лизе не о чем беспокоиться. От нее требуется лишь несколько предложений в качестве вступления и, возможно, пожелания собравшимся. Кроме нее выступит представитель издательства и иллюстратор. Затем автор получит возможность пообщаться с читательницами и раздать автографы.

Лиза вымучено улыбнулась и кивнула.

— Трясешься?

Она смерила появившуюся парочку нарочито гневным взглядом. Громов застегнут на все пуговицы, лишь узел галстука слегка сдвинут в сторону. А Камилла...

— Неужели вы... — несмотря на то, что Лиза говорила шепотом, ей пришлось прокашляться. — Но где?

— Было бы желание.

— Я тут места себе не нахожу, а она! Забыла? Тебе скоро в роддом!

— Хватит ворчать, еще четыре месяца впереди. Я не дура, чтобы лишаться радостей семейной жизни.

— Вот! Вам давно пора узаконить свои отношения. ЗАГС, свадьба и все такое.

— Ты забыла медовый месяц.

— Медовый месяц у вас уже был.

— Значит, будет второй. Но... время еще не пришло.

— Ками, твой живот...

— Оставь его в покое. Он мне нравится и Гоше — тоже. И перестань нервировать женщину в положении.

Лиза открыла рот, чтобы ответить, но так ничего и не сказала. Во-первых ее подруга права, а во-вторых...

Позади пестреющих нарядами женщин промелькнула и исчезла стройная широкоплечая мужская фигура. Эти темные вьющиеся волосы...

Нет, это не он. Ей показалось. Что такой мужчина станет делать на презентации женской книги?

Мероприятие прошло на «Ура!» Лизе удалось вымолвить несколько фраз на приличном английском и даже понять, что все остальные выступающие хвалят ее книгу. Щеки Елизаветы горели от смущения, но душа ликовала — все удалось как нельзя лучше. Если весь тираж будет разлетаться так же, как та сотня экземпляров, которая еще сегодня утром лежала на прилавках магазина, то она окончательно почувствует себя удовлетворенной. И счастливой. Почти.

Она сидела за столиком и с энтузиазмом раздавала автографы. Первый час. Потом у нее заболела шея, потому что Лиза пыталась одарить улыбкой и вежливым взглядом каждого, кто подсовывал ей книгу. Наконец, улыбка превратилась в гримасу, а голова отказывалась подниматься. Она находила в себе силы лишь спрашивать у почитателя ее таланта имя и выводить пожелание на первой страничке книги.

— Рафаэль.

Ручка вывалилась из ее уставших пальцев и закатилась под стол. Замерев, Лиза наблюдала, как Раф сгибается в своем шикарном костюме, залезает под стол, а затем появляется оттуда, держа ручку двумя пальцами. Все происходящее казалось каким-то нереальным, похожим на сон, поэтому едва уловимое прикосновение теплых пальцев к ее щиколотке Лиза восприняла как навеянное ощущение.

Он оказался именно таким, каким Лиза его запомнила — совершенно неотразимым. И ее реакция на него тоже не изменилась. Она заставила себя оторвать взгляд от его синих глаз и взять ручку, пытаясь обуздать внутреннюю дрожь.

— Так и писать?

— Можно Раф.

— Да, конечно.

Ее рука замерла над бумагой — Лиза забыла, что должна написать кроме имени.

— Пиши так, как тебе удобнее. Или просто Рафу от Лизы. Или... ничего не пиши.

Она вывела дрожащими пальцами «Рафу от Лизы», захлопнула книгу и протянула мужчине. И только потом подняла глаза.

Они молча смотрели друг на друга, и нежность в его глазах медленно выплавляла из ее сердца оставшуюся обиду. Рафаэль оставил все дела и пришел на ее первую презентацию за границей. Это оказалось для нее важным. Слишком. Несмотря на то, что она до сих пор считала его неподходящим для себя мужчиной. Летом она не могла с ним разговаривать, но теперь... если он не против...

Пытаясь избавиться от магнетизма мужского взгляда, Лиза посмотрела по сторонам. Рафаэль оказался последним в очереди желающих получить ее автограф. Она поднялась, чтобы быть выше ростом, но все равно ей пришлось запрокинуть голову.

— Спасибо, что пришел.

— Пожалуйста.

— Если честно, я немного устала.

— Мы можем поговорить позже.

Позже? Нет, она не сможет отдыхать, постоянно думая о нем.

— Лучше сейчас. Ками и Громов, они...

— Они по дороге в гостиницу. Ты мне не доверяешь?

Лиза не доверяла себе.

— Не в этом дело. Куда пойдём?

— Если ты не против, за углом есть маленький ресторанчик.

— Маленький — это хорошо. Я не привыкла к толпе.

Ресторан оказался не только маленьким, но и очень уютным с чудесными гравюрами старой Праги на стенах и круглыми столиками, украшенными вазочками с живыми цветами. Рафаэль помог снять ей шубку и проводил к уединенному столу у окна. Лиза предоставила ему возможность выбрать для себя салат, десерт и вино, а сама с интересом разглядывала заснеженные улицы, но думала при этом о мужчине, сидевшем напротив и делавшим заказ с таким же изяществом, с каким принимал его в Анталии.

Официант ушел, но они еще некоторое время молчали, рассматривая друг друга. Теперь Лиза заметила, что он похудел, его скулы обозначились резче, а глаза стали больше.

— Я скучал.

— А твоя невеста?

— Я уже говорил тебе — у меня нет невесты. И жены. И... любовницы. — Наверное, ее лицо выражало недоверчивость, гложущую Лизу изнутри, потому что Раф взял ее за руку и

повторил. — Все это время я думал только о тебе.

— Тогда... почему не приезжал? Пол года прошло.

— Ты хотела меня видеть? Впустила бы в свой дом?

— В дом? Не знаю. Но мы могли бы посидеть где-нибудь. Как сегодня. Поговорить.

— Я думал... Ками сказала...

— Ты общался с Ками?

— Мне казалось, ты не хочешь меня видеть, а я хотел быть в курсе. Мне необходимо знать, что с тобой все в порядке.

— У меня — все хорошо, как видишь.

— Да. Вижу. Ты счастлива?

— Сегодня? Да. Такие дни бывают нечасто.

— Поздравляю с успехом. Ты — очень талантливая.

Она улыбнулась. Черты его лица тоже смягчились, будто спало напряжение.

— Спасибо. Не знаю, читал ли ты мою книгу, но у тебя есть повод обвинить меня в плагиате. Я украла твою сказку.

— Считаю, что это подарок.

Он ласково перебирал ее пальцы, и Лизе стало так хорошо и спокойно, как когда-то в его объятиях. Что же он за человек, если ему удастся так сильно влиять на нее?

Им принесли заказ. Они наслаждались едой и мирно комментировали презентацию, но...

— Кто ты? — Лиза таки решилась спросить.

— Станный вопрос.

— Напомню, что один раз ты уже соврал мне.

— Но я же не знал, что ты окажешься такой особенной. Это была лишь проверка и... защита.

— От охотниц за деньгами?

— Да, что-то в этом роде.

— Но мне не нужны твои деньги.

— Теперь я знаю это.

— Ненавижу ложь.

— Это я тоже понял.

— Так кто ты?

— Рафаэль Раллис. Мой отец — греческий бизнесмен.

— Греческий? А я думала...

Оказывается, она совсем ничего не знала о мужчине, с которым занималась любовью.

— В Турции у меня только одна гостиница. Весь остальной бизнес — в Греции. Почти весь.

— Значит, Громов...

— Он — мой партнер.

— И все это время он все знал и ничего мне не сказал?

— Ты не хотела об этом говорить.

— Не имеет значения.

Она вдруг разозлилась. Ками и Громов — кроме мамы самые близкие ей люди — скрыли от нее такие серьезные вещи. И не важно, что она отмахивалась от разговора. Эти двое могли настоять.

— Прямо мисс — противоречие.

— Сам такой. — Наверное, еще ни одна женщина ему так не отвечала. Раф от удивления приподнял брови, но Лизу уже охватил азарт. — Что еще я не знаю?

— Ну...

— Продолжай.

— Моя мама живет под Полтавой.

— Где?!

— Вместе с отчимом.

— И...

— Я закончил там школу, затем военное училище, некоторое время служил. Вместе с Громовым. А потом мой родной отец позвал меня в Грецию.

— Понятно. С тех пор ты стал богатым дяденькой и завидным женихом. Так что ты делаешь здесь — вместе с невзрачной писательницей романов?

— Что делаю? Ем. Разговариваю.

— Почему со мной? Не с той зеленой красоткой или какой-нибудь другой, но такой же красивой женщиной?

— Лиза, что случилось? Мы так хорошо разговаривали.

— Да, разговаривали. Я хочу знать, почему именно со мной?

— Я не понимаю... Ты — симпатичная, приятная, сексуальная...

— Да? Продолжай.

— Ты мне нравишься.

— И не претендую на твое богатство.

— Ну да. А что тут такого?

— Тебе понравилось со мной спать?

— Очень. Я этого не скрывал.

— Вот!

— Лиза, ты меня с ума сведешь! Что значит твое «вот»?

— Ты хотел меня, а я тебе отказала. И только поэтому ты здесь, со мной. Ты не рассказал бы мне о себе, если бы я тебя не вынудила. Ралисс... Я правильно запомнила? — Он кивнул, явно не понимая, к чему она клонит. — Так вот, Ралис, ты не читал мою книгу. Если бы ты это сделал, то знал бы, чего желала Арзу.

Лиза поднялась, взяла свою сумочку, достала деньги.

— Господи, женщина, ты меня в могилу сведешь! Да читал я твою книжку! И убери бумажки!

— Очередная ложь! Но я больше не желаю ничего слушать. Прощай!

Лиза бросила на столик несколько купюр и бросилась к выходу. Она еле удержалась, чтобы не оглянуться. К счастью у выхода стояло такси. Лиза плюхнулась на заднее сидение, держа шубку в руках, и только тогда посмотрела в сторону ресторана. Раф остался сидеть у окна.

— Как ты могла?

Ками носилась по номеру отеля, как фурия, а Лиза никак не могла понять, что случилось. Она только начала возмущаться поведением Рафа, как ее благодушно настроенную подругу словно подменили. Та вскочила с дивана, оттолкнула Громова, который пытался ее удержать, и начала орать на Елизавету.

— А что я такого сделала?

Лиза почти обиделась на Камиллу. Вместо того, чтобы поддержать свою лучшую подругу в ее праведном негодовании, да еще в такой знаменательный день, та взъерепенилась и стала похожа на симпатичного волнистого попугайчика.

Внезапно этот желтый попугайчик резко затормозил возле Лизы и ткнул в нее пальцем.

— Никогда не думала, что ты способна быть такой неблагодарной!

— Почему? Я уже сказала спасибо — и тебе, и Гоше, и всем остальным.

— А Рафаэлю?

— Он-то здесь причем?

— Причем? Раф?

— Камилла, думаю, он ей ничего не сказал. Успокойся, пожалуйста. Тебе нельзя волноваться.

Интересно. Она чего-то не знает?

Лиза подозрительно посмотрела на Громова.

— О чем же он умолчал? Давай, выкладывай, раз начал.

Гоша некоторое время молчал, потирая кончиками пальцев подбородок, а затем покачал головой.

— Нет, без его разрешения не буду.

Она уже хотела возмутиться, но ее опередила Камилла.

— Тогда, я скажу. И не смей мне мешать! — открывший рот Громов тут же его закрыл и пожал плечами. — Рафаэль — владелец «Буквицы». Поняла?

Пока Гоша ловил Камиллу и силой усаживал ее на диван, до Лизы начало доходить сказанное.

— Ты имеешь ввиду, что Раф издал мою книгу?

— Я уже это сказала. Громов, не дави на меня, а то я не выйду за тебя замуж.

Тот лишь прижал ее к себе покрепче, обхватив ладонями живот, и ласково прикусил ушко.

— Ты уже моя жена перед Богом. Мы обвенчаны. Забыла?

— Забудешь тут. Твоему сыну лишь двадцать недель, а он уже не дает мне спать.

— Сын? Ты уверена?

— Я — да, а вот врачи пока не знают. Для тебя это важно?

— Нет.

— А чего тогда скис?

— Я задумался. Пора свадебку играть.

— Не хочу. Мне слишком нравится, как ты уговариваешь.

— Голубки, я с удовольствием повеселюсь на вашей свадьбе, но кто-то мне, наконец, объяснит — зачем?

Лиза так растерялась после неожиданной новости, что никак не могла решить радоваться ей или плакать. Плакать не хотелось. Она уже успела нареветься, пока эта парочка соизволила ее навестить. Что качается радости... Господи, что она ему наговорила?!

— Вот и я о том же. Зачем торопиться со свадьбой?

— Камилла, выйди ты за него, в конце концов. Замучила совсем мужика. Признайся, ты сама только об этом и думаешь?

— Страшно.

— Любимая, чего ж страшно-то? Только колечко на палец наденешь, да в паспорте штамп поставят.

Лиза с умилением наблюдала за воркованием влюбленных, но сейчас ее волновало совсем другое.

— Громов, хоть ты мне объясни толком, как все это произошло.

Гоша оторвался от губ Камиллы и сообщил:

— Раф вбил себе в голову, что если купит издательство и напечатает твои сказки, то ты поймешь, что он не такой уж плохой парень и...

Лизу осенило.

— Он прочитал!

— Возможно, но я не уверен. Это важно?

— Да. Он читал и знает, о чем мечтала Арзу. Точнее, думала, что мечтает об этом.

Две пары встревоженных глаз изучали ее лицо.

— Лизочек, с тобой все в порядке? Дорогая, если Раф тебе не нравится, ты не обязана...

— Я должна бежать. Где он?

Лиза поднялась с твердым намерением извиниться перед любимым человеком за то, что обвинила его во лжи. Она заправила за ухо непослушный локон и схватила сумочку.

— Лизок, у тебя тушь под глазами растеклась.

— Могла бы и раньше сказать.

Она начала рыться в сумочке, когда в разговор встрял Громов.

— Не хочу никого разочаровывать, но Рафаэль улетел домой.

— Как? Так быстро!

— Он... торопился.

Улетел. Обиделся.

Она его обидела. Почему он промолчал? Почему она не поинтересовалась?

Рафаэль столько сделал для нее! Как оказалось, своим сегодняшним успехом она во многом обязана именно ему. Только теперь Лиза это поняла. Еще она осознала одну важную вещь — этот мужчина нужен ей. Но нужна ли ему капризная писательница? Вот в чем вопрос.

— Мы можем тотчас отправиться в аэропорт, — неугомонная Ками все поняла и пыталась хоть как-то поддержать подругу. — Шенгенская виза у нас есть. Громов, что там еще нужно?

Гоша уже собирался что-то сказать, но Лиза его опередила.

— Нет, я возвращаюсь домой.

Так будет правильно. Даже если она виновата — тем более, если она виновата — нужно дать ему время подумать, решить. Даже если это обречет ее на одиночество.

— Лиза, я не хочу вмешиваться, но ведь ты любишь его. Зачем так мучиться? Раф тоже влюблен.

— Кто знает. Может, это лишь извинение.

— Тогда лети к нему и выясни это!

— Это будет выглядеть, как благодарность.

— Ну и что?! Какая разница?

— Ками, благодарность — это слишком мало. Как и извинение.

— Громов, унеси меня отсюда, а то я сейчас начну быть гостиничную посуду. Два упрямца!

Гоша, молча, с Камиллой на руках встал с дивана и направился к двери.

— Они уже большие, сами разберутся. Пойдем в кроватку. Я буду лечить тебя от стресса.

Лиза грустно улыбнулась, провожая взглядом влюбленную парочку.

Наверное, она слишком упрямая. Даже весьма вероятно. И любит Рафаэля. Это точно. Но...

Бегать за мужчинами она не станет. Это всегда плохо заканчивается. Красивых мужчин слишком много.

Но такой, как Рафаэль — один.

Слезы снова полились из ее глаз. Правильно сделал, что улетел. Кому нужна неблагодарная, плаксивая старая дева.

Этот день настал — спустя месяц после ее поездки в Прагу.

Все это время Лиза практически не выходила из дому. Она писала новую книгу, пытаясь не думать о Рафе и почти не обращая внимания на привычное ворчание подруги о занудной жизни, заботливости Гоши, расплывшейся фигуре и мерзкой февральской погоде.

Она поверила, что это событие и в самом деле произойдет, лишь когда Камилла вытащила из ее шкафа все наряды и не нашла ничего подходящего. Лизе пришлось идти вместе с подругой по магазинам в поисках длинного голубого платья — именно в таком ей предстояло исполнить обязанности свидетельницы на свадьбе Ками и Громова. После двадцатой примерки силы Лизы окончательно истощились. Она привыкла покупать одежду в интернет-магазинах, и уже само хождение по бутикам ее утомляло.

Выйдя из кабинки с голубым шлейфом в руках, Лиза умоляюще взглянула на подругу и с надеждой протянула:

— Ну, как? Мне нравится.

— Тебе все нравится. Оно слишком голубое. Снимай. — Сидя в удобном кресле, Камилла повернула голову к продавщице. — Еще что-нибудь есть?

Девушка безропотно отправилась на поиски.

Слишком свободное, короткое, блестящее, закрытое и, наконец, голубое. Разве платью может быть слишком голубым?

— Ками, я понимаю, ты в положении и все такое, но я больше не надену ни единой шмотки. И с сегодняшнего дня вообще перестану носить такой цвет.

— Не капризничай, Лизок. Для тебя же стараюсь.

— Какая разница, что на мне будет надето? Все смотрят только на невесту. Даже если бы мне вздумалось прийти голой... — нет, это она переборщила, — Не важно. Главное, чтобы ты хорошо выглядела. А ты всегда смотришься отлично.

— Подлиза. И все равно мы вернемся в предыдущий магазинчик и купим то платью — с одной узкой бретелькой, украшенной кристаллами Сваровски.

— Оно слишком облегает мою грудь.

— Именно то, что нужно.

— На твоей свадьбе вряд ли кого-то заинтересует эта часть моего тела — как, впрочем, и любая другая.

— Это — моя свадьба. Ты — моя свидетельница. И я хочу видеть тебя в этом платью. И...

— Ладно-ладно. Я согласна на все. Только не нервничай.

— Правильно. Остаются туфли.

— Только не это!

Во Дворец бракосочетаний они ехали на черном Майбахе, украшенном единственной белой атласной лентой. Ясный февральский день совсем не походил на зимний. Снег растаял еще два дня назад, тротуары высохли, и днем воздух успел прогреться до двенадцати градусов.

Лизе удалось заставить подругу набросить меховой палантин поверх очаровательного платью цвета слоновой кости, удачно задрапировавшего располневшую фигуру невесты. Она радовалась за Ками и грустила. Совсем немного. Пожалуй, чуть больше, чем немного, поскольку ей не давали покоя сны. С приближением дня свадьбы они становились все более откровенными и чувственными. Не трудно догадаться, кто был их героем. И это тогда, когда Лиза пыталась пыталась не думать о Рафе, не строить неосуществимые планы.

Где он? Что с ним? Неужели после стольких усилий он решил, что она их не стоит?

Однажды Лиза набралась смелости и задала Громову прямой вопрос. Тот лишь нахмурился и пробубнил, как всегда, весьма лаконично:

— Извини. Раф решает семейные проблемы.

И этот ответ должен ее успокоить?!

Почти каждое утро она просыпалась возбужденной и неудовлетворенной и мечтала, что и на ее улице будет праздник. Хотя с каждым днем надежда на это казалась все более призрачной.

— Лизочек, может, развернемся, пока не поздно, и уедем отсюда?

Оказывается, автомобиль уже притормозил у парадной двери, где собралась многочисленная публика.

— Тебе не кажется, что убегать поздновато? Ты хочешь, чтобы твой ребенок кричал на свадьбе родителей «Горько!»?

— Я боюсь.

Кажется, ее решительная подруга сдрейфила не на шутку.

— Ками, дорогая, представь, что это фотосессия, где ты позируешь в свадебном платье. Ну? Это же так просто!

К счастью, Громов будто почувствовал колебания невесты. Он подбежал к Майбаху, решительно распахнул дверцу и вытянул из салона перепуганную Камиллу. Гоша начал целовать ее прямо посреди улицы, под аплодисменты и хохот гостей.

Затем он подхватил ее на руки и понес к дверям. Едва поспевавшая за ними в своем длинном платье Лиза слышала, как Камилла вычитывает жениху:

— Ты все перепутал, Громов. Невесту выносят на руках из ЗАГСа, а не наоборот.

— И оттуда понесу. Не хватало еще, чтоб ты сбежала.

— С таким животом?

— Благослови, Боже, этого ребенка!

Внутри гостей оказалось еще больше, чем снаружи. Они остановились у двери в зал, кого-то ожидая. Как оказалось, свидетеля со стороны жениха.

В суете подготовки к свадьбе Лиза забыла узнать у подруги, кто будет вторым свидетелем. Теперь в ответ она слышала лишь — «Сейчас увидишь», а от Громова — «Если он не придет, мы больше не друзья».

Рафаэль появился, как всегда, неожиданно. Лизе тоже захотелось произнести «Слава Богу!», как это сделали новобрачные. Необыкновенно красивый в темном костюме с синим галстуком, он, улыбаясь, пробирался к ним, а Лиза, как замороженная следила за его ловкими маневрами.

А потом она увидела рядом с ним очень красивую белокурую девушку. Рафаэль обнимал ее за талию, тесно прижимая к себе, пока они проталкивались к молодоженам. Лизе тут же

захотелось уйти. Лишь чувство долга удержало ее на месте.

Он еле успел. Рафаэлю пришлось лететь charterным рейсом, чтобы не опоздать на свадьбу к другу. Он даже попросил помощи у отца, что делал только в крайнем случае, когда выяснилось, что погода нелетная. Старший Раллис уговорил друга поднять самолет с частного аэродрома.

Да еще Эва! Девчонка до последней минуты отказывалась улетать. С того дня, как он срочно покинул Прагу для того, чтобы вытащить ее из очередной переделки, она не давала ему ни минуты покоя. Когда Громов пригласил его на свадьбу, да еще в качестве свидетеля, Раф вздохнул с облегчением. Он получил уважительную причину, чтобы увезти неугомонную красавицу из Греции.

В очередной раз поинтересовавшись у Эвы, удачно ли завязан его галстук, Рафаэль заработал еще один презрительный взгляд, но его волновало не это.

Еще несколько мгновений вверх по ступенькам, сквозь двойную дверь, через толпу и...

Он увидел ее. Его душа запела, будто исполнилось самое заветное желание. В нем, конечно же, восстала та часть, которая неизменно возникала при виде Лизы, но ощущение счастья доминировало.

Господи, как он соскучился! Если бы неотложные дела, он ни за что не дал бы ей этот месяц на раздумья. Рафаэль знал, что рассуждения плохо влияют на чувства женщин, иногда просто катастрофично. Но звонок отца решил все, Рафу пришлось отложить разговор.

Земная красота этой женщины заморозила его снова, как тогда — на пляже. Воздушное платье, распущенные по плечам волосы, горделивая осанка, чувственные изгибы губ и тела... Он мог перечислять ее видимые и предоставленные памятью достоинства еще долго, протискиваясь к молодоженам, но Рафаэля тревожил ее взгляд, появившееся напряжение в плечах, когда она заметила его. Он собирался махнуть ей рукой, приветствуя, но Лиза отвернулась.

Возможно, Громов ошибся, и она не простила ему этот месяц и... все остальное тоже, несмотря на его стремление помочь?

— Восточный базар! — хихикнула Эва, прижимаясь к нему, чтобы не попасться под чей-то локоть.

— Похоже, — он сказал это, лишь бы что-то ответить. Рафаэль автоматически прижимал ее к себе, чтобы защитить в случае чего, но не замечал никого, кроме Лизы.

— Это она? В голубом?

— Кто?

— Не притворяйся глупее, чем ты есть. Из-за нее ты не дал мне повеселиться и выбросил кучу бабок на самолет?

Он знал, что Эва слишком сообразительная девушка, но все же предпринял попытку направить разговор в другое русло.

— Мой друг женится, если ты помнишь?

— Ничего, симпатичная. Маме понравится.

Рафу пришлось смириться.

— Ты так думаешь?

— Уверена.

И хотя мнение сестры редко совпадало с его собственным, Рафаэль улыбнулся, мысленно соглашаясь. Обязательно понравится. Она так на нее похожа.

Лиза ощущала его приближение, но не обернулась. Не потому, что не хотела. Из гордости. От отчаяния.

Да, он приехал. С девицей. Очень красивой и высокой — ему под стать. Против нее Лиза — настоящая коротышка.

Почему она удивилась? Уже давно пора понять, что такой мужчина не может долго оставаться один. Интересно, Громов знал? А Ками?

Нет, Ками сказала бы ей. Конечно, она скрыла от нее, что свидетелем будет Рафаэль, но о главном точно бы предупредила.

Лиза взглянула на Гошу, но тот напряженно молчал. Впрочем, как всегда. Ладно, она подождет. Все рано или поздно выяснится. А пока она просто не может смотреть на Рафаэля, когда он так нежно прижимает к себе другую женщину.

Слава Богу, в этот миг открылась дверь, и их пригласили в огромный, празднично украшенный зал.

Все, кроме молодоженов и свидетелей, остановились у двери. Лиза стояла рядом с Камиллой и видела, как дрожит ее рука с букетом. Она ласково притронулась к локтю подруги и та в ответ благодарно кивнула, не отводя затравленного взгляда от улыбающейся женщины с красной папкой в руках. Громов же выглядел спокойным и сосредоточенным. А Рафаэль...

Он, хмурясь, смотрел на Лизу. Заметив, что она обратила на него внимание, Раф молча кивнул. Лиза отвернулась. Не сейчас. Она выскажется потом. Или промолчит и будет игнорировать его весь вечер.

Глаза снова устремились к нему. Он потянулся к ней, собираясь что-то сказать. Лиза прижала палец к губам и отрицательно покачала головой, призывая его молчать. Камилла заслужила свадьбу без скандалов. Рафаэль снова кивнул, и улыбнулся.

Ужасная несправедливость, что он такой привлекательный! И что она в него влюблена, а он, кажется, нет. Тогда, зачем он помогал ей с книгой? К чему все эти молчаливые знаки? Возможно, ему нужна лишь ее дружба?

Ей мешала думать каша в голове, но Лиза все же решила, что Рафаэль настроен на дружеские отношения.

Ничего, она переживет. Как-нибудь. Хоть это будет тяжело.

Кто же эта красотка? Очередная невеста? Он не приехал бы на свадьбу к другу с любовницей.

— Объявляю вас мужем и женой! Жених, можете поцеловать невесту!

Кажется, она пропустила торжественную речь? Ничего, сегодня будет много тостов.

Лиза любовалась на пару, которая, не скрывая чувств, целовалась на глаза у всех, словно в уединении спальни. Хотя, наедине они, наверное, целуются еще более... более...

— Лиза!

Дрожь прошла по ее телу, когда он прикоснулся к ее спине. В том, что это Раф, она не сомневалась ни секунды. Больше ни на кого она не реагировала так бурно.

Елизавета обернулась, пытаясь сбросить наваждение, и наткнулась на синий взгляд. На два синих взгляда. У нее двоится в глазах?

— Привет! — она произнесла единственное, на что оказалась способной.

— Лизонька, я хочу познакомить тебя со своей сестрой.

— Эва, — очаровательное создание улыбнулось и подмигнуло ей.

Сестрой?!

— Очень приятно.

Сестрой! Неужели это правда?

Родственники и знакомые бросились поздравлять и целовать молодоженов, отодвинув их друг от друга.

Оказывается, у Рафа есть сестра. Он никогда не говорил о ней. Он вообще ей ничего не рассказывал, кроме сказки. А она не спрашивала. Зачем? Лиза не планировала долгосрочные отношения. Она представить себе не могла, что, приехав на отдых по «Горящей» путевке, встретит мужчину своей мечты. Оставалось главное — узнать, мечтает ли о ней Рафаэль?

Ей не пришлось спрашивать об этом. Нестройный рев «Пускай поцелует первый дружба дружку!» предоставил возможность Рафу прижать ее к себе и прижаться к губам жадным поцелуем при всех, причем на вполне законных основаниях. Гости остались довольны. Что уж говорить о Лизе. Но Раф прошептал ей на ухо:

— Мне мало. Я хочу целоваться с тобой утром, в полдень, вечером — всю жизнь.

Лизе казалось, что сейчас она умрет от счастья. Но нельзя же вот так просто сказать — «Я тоже!» Только не после всего, что случилось!

— Тебе это быстро надоест.

— Никогда!

— Это ты сейчас так думаешь.

— Я уже пол года так думаю. Тебе нужен настоящий мужчина или...

Это признание почти выбило почву из-под ее ног. Она кашлянула.

— Поживем — увидим.

— У тебя или у меня?

— Я должна сделать выбор?

— Вообще-то нет. Я и так уже решил, что украду тебя и увезу в Грецию. Ты не хочешь написать сказку о пирате?

Конец

2012 г.

mir-knigi.org